

ТА

ВНИТОР
ЗЕРАОВ

В

ОНО

И БЫВАЕТ...

PG
3476
A64
T3

Т ВИКТОР
ИЗДОВ
АБ
ОНО И БЫВАЕТ...

*Юмористические рассказы
и сценки*

МОСКВА • 1976

PG
3476
A64
T3

Ардов В. Е.

A80 Так оно и бывает... Юмористические рассказы и сценки. М., «Современник», 1976.

174 с.

В новой книге известного советского сатирика читатели ознакомятся с рассказами и «почти научными трактатами» автора, его «малой, но драматургией», сатирическими миниатюрами.

70302—212
А   84—76
М 106(03)—76

P2

Жизнь и Творчество
БЫТЬЕ

отовы у вас эти сведения... ну, на счет наличия технических деталей на складах? — спросил управляющий конторой.

— Нет еще, Николай Семенович, — вздохнул заведующий плановым отделом.

— Я же просил поторопиться! Кому вы поручили их подобрать — сведения?

— В том-то и суть... Я имел неосторожность доверить это дело Зудякову, а он, конечно, ничего не сделал... по обыкновению...

— «По обыкновению»?.. Хорош работник!

— А разве ж вы не знаете, Николай Семенович? Лодырь, так сказать, идейный... принципиальный...

— Тогда надо с ним расстаться! И поскорее!

— Легко сказать «расстаться»!.. Его не ущемишь, коли хотите знать. Умеет за себя постоять... вернее даже: полежать, поскольку он только что не лежит на работе; ничего не желает делать!..

— Ну-ка, пригласите его ко мне. Сейчас же!

...Через несколько минут в кабинет управляющего вошел худо-

щавый человек, с узким лицом, в затрепанном костюме. Он поклонился у двери и спросил:

— Звали?

— Да, да, подойдите поближе, товарищ Зудяков... Сядьте! Вот мне на вас жалуются: плохо работаете. Почти ничего не делаете. Лодырничаете, одним словом...

Зудяков не спеша почесал остатки волос на макушке и отвернулся от управляющего. А тот выдержал паузу и более строгим голосом добавил:

— Это ведь и кончится плохо... для вас! Слышите?

— Это в каком, я извиняюсь, смысле плохо?

— Уволим! — жестко выговорил управляющий и долгим взглядом остановился на лице Зудякова. Но последний ничуть не испугался. Зудяков зевнул, снова поворошил волосы и только потом ответил:

— Ничего у вас не получится, Николай Семенович. С моим увольнением то есть... Ведь чтобы освободить от работы, нужна длительная подготовка — вам, наверное, известно: выговора надо объявлять, взыскания накладывать... Да не одно, а — несколько. Согласие месткома опять же требуется... А то что получится? Вы меня, допустим, отчислите приказом, а я через суд к вам опять приду. И вы еще будете за мой вынужденный прогул платить из собственного кармана... Нужно нам с вами это? Сомневаюсь...

Управляющий покраснел от гнева и повысил голос:

— А я вас последний раз предупреждаю: не перемените стиль работы, выгоню непременно!

— Правильно, — снова зевнув, произнес Зудяков, — выгоните на какой-нибудь месячишко с последующей, безусловно, оплатой... И получится у меня вроде дополнительный отпуск...

— Вон отсюда! — уже заревел начальник.

Зудяков, не торопясь, поднялся со стула, вразвалку направился к двери, укоризненно качая головой. При этом он заявил:

— Я смотрю — нервы у вас не в порядке, Николай Семенович... Ну, куда это годится так раздражаться по пустякам?.. Никуда не годится!

Зудяков закрыл за собою дверь, а управляющий резким звонком вызвал секретаршу:

— Этого ко мне... ну, начальника планового отдела!

И вот уже совещаются оба начальника:

— Что же нам делать?! Разве можно оставлять такого типа?.. Он ведь других работников испортит: увидят, что можно никак себя не утруждать и спокойно получать зарплату...

— Это нам не грозит, Николай Семенович. Но, конечно, от него лучше избавиться...

— Но — как?! Как?! — вот вопрос!

— Попробуем с ним договориться по-хорошему...

— Еще чего! Чтобы он возомнил...

— Он уже и так возомнил на все сто.

Пригласите его опять и потолкуйте уже в другом плане...

— Светлана! Зудякова ко мне!..

...И снова неуязвимый Зудяков чешет себе лысину, сидя перед столом управляющего. А Николай Семенович, с трудом сдерживая раздражение и гнев, улещает плановика:

— Может, учиться пойдете? Сейчас как раз есть возможность уйти на курсы переквалификации. Солидная стипендия, понимаете ли, обширный и очень интересный круг дисциплин в программе...

— А на что мне эти дисциплины? — позевывая, откликается Зудяков. — Мне и без них хорошо.

— Ну, может, перейдешь куда-нибудь в новую организацию? — поддерживает начальника завпланом, — характеристику дадим тебе самую хорошую...

— Еще бы вы мне не дали хорошей характеристики!.. Мне, где бы я ни служил, всегда дают чудные характеристики. Вы помните, с какой аттестацией я к вам поступал?..

— Да, да, действительно! — подтверждает завпланом. — Это еще до вас было, Николай Семенович. Принес он бумаги первого сорта. Мы думали — просто чудо какое-то принимаем в штат. Кстати: эти комплименты в его личном деле лежат и сегодня. Можете почитать.

— Есть мне время читать эту брехню! — рычит управляющий. — Ну, слушайте, Зудяков, дайте вы нам совет сами: что — нам — с вами — делать?!

Зудяков зажмурился и изобразил бровями и ртом серьезный мыслительный процесс. Почесал лысину. Раскрыл глаза и вымолвил:

— Разве что вот так: я тут записался в строительный кооператив. Если дадут квартиру — далеко вато мне ездить к вам...

— Ну?!

— Вот я и думаю: когда перееду, то, безусловно, постараюсь устроиться где-нибудь поближе к новому местожительству...

— А что для этого требуется? — нетерпеливо спросил управляющий.

— Да я не знаю... ну, нажмите как-нибудь на правление кооператива... на райжилотдел... Уж сами придумайте: что вы в состоянии сделать для меня?..

— Хорошо. Хорошо. Допустим, мы вам поможем. А куда вы переходить будете?

— Пока — мой секрет. На данном этапе давайте остановимся на операции «стройкооп», так сказать... Разрешите быть свободным?

И Зудяков важно поднялся, вышел из комнаты и аккуратно закрыл за собой дверь. Оба начальника с немой яростью поглядели друг на друга...

Прошло с полгода. Сослуживцы поздравляли Зудякова с новосельем. И на неизменные вопросы «как вам удалось так быстро получить жилплощадь?» счастливый новосел отвечал:

— Все — наш управляющий, Николай Семенович... Золотой души человек. Мне ведь не хотели давать: очередь не подо-

шла... Но управляющий такую развил бурную деятельность, и в стройкооп писал, в райжил, и в райисполком... Можно сказать, выбил он для меня квартиру! Век буду помнить его доброту!

А когда отпраздновали вселение плановика в большой современный дом, то Николай Семенович завел разговор о выполнении второй части замысла. Снова состоялась встреча в кабинете...

— Зудяков, вы помните свое обещание уйти от нас? — спросил управляющий.

— А как же! Я — человек порядочный. Раз вы ко мне как человек, то и я к вам как люди... Вот телефончик у меня записан: директор того треста, который теперь рядом с моим домом. Будьте так любезны: позвоните ему и, так сказать, отдайте должное моим деловым качествам и... в общем, вы сами понимаете...

Управляющий со стоном снял трубку и набрал номер. Разговор пошел такой:

— Директора мне... Вы? Очень приятно. С вами говорит управляющий конторой «Технотехника». Вот какой вопрос: я слышал, у вас — расширение штатов? Правильно? Ага. Значит, имею предложить отличного работника с плановым уклоном. Он у меня, знаете, оттрубил много лет, а теперь в связи с личными обстоятельствами... Как его фамилия? Некто Зудяков. Ага. Зудяков... Что, что, что? Сейчас справлюсь... — И управляющий обратился к самому Зудякову: — Вот товарищ директор спрашивает: не служили ли вы в свое время в управлении промторгов области?

Зудяков поднял глаза к потолку, пожевал губами и ответил после паузы:

— Мммм... управление торгов... управление тор... Как же! Служил! Но ведь это когда было!..

— Вы слушаете? — отнесся управляющий в трубку. — Зудяков подтверждает: да, служил когда-то... Что, что, что? И даром не надо?.. Чего — «даром не надо»? Ах, Зудякова!.. Кхм... да... Вы его, значит, poznали на деле. Тогда, конечно, — все. Тогда извините. Тогда... Нет, я сам понимаю. Именно! Он у меня в штате состоит, и никак я от него...

Управляющий махнул рукою, опустил трубку на рычаг и тяжело вздохнул. Произошла длинная пауза. Наконец управляющий спросил:

— А вам до пенсии... это... далеко до пенсии?

— Еще лет восемнадцать, Николай Семенович, — соболезнующе отозвался Зудяков. — Если бы мне полагалась пенсия, так неужто бы я не воспользовался, так сказать?.. Да вы не расстраивайтесь, Николай Семенович. Вдвоем мы с вами, безусловно, что-нибудь такое придумаем... Осуществим свой развод, хе-хе-хе... А сейчас я пойду: надо же и вам и мне отдохнуть от этих хлопот... Да вы не расстраивайтесь, дорогой мой: мало ли что может случиться!.. Вдруг вы пойдете на повышение... У нас уже не будете возглавлять... Или я подберу себе что-нибудь подходящее на стороне...

Уходил Зудяков на сей раз тихонько, ступая на цыпочки: словно покидал комнату, где лежит серьезный больной. А Николай

Семенович захотел было рявкнуть, как прежде, но не смог: эти все хлопоты так сроднили его с нерадивым плановиком, что управляющий сумел только выговорить жалобно:

— Слушайте, Зудяков, я это... я тогда начну вам выносить выговоры и взыскания... Вы согласны? А?

Зудяков остановился, обернулся лицом к начальнику и, кивая головою, заявил:

— Ну, что же.. давайте пока так... Пока! Если ничего другого мы не удумаем... Главное, берегите здоровье, Николай Семенович! А остальное все — да пес с ним!..

...Говорят, плановик Зудяков и по сей день работает в этой конторе...

на вошла в редакцию осторожной походкой, стала в дверях и оглядела присутствующих медленно и настороженно. Сразу удивили ее глаза: светло-серые, с точечками зрачков, словно бы выпуклые пуговицы вместо радужной оболочки. Про такие глаза хочется сказать: оловянные. И несмотря на то что обладательница глаз улыбалась, желая показаться обаятельной особой, смотрели эти очи строго и въедливо...

Приблизившись к моему столу, посетительница пояснила:

— Брызжейкина я. Мария Кондратьевна. Очень приятно. Наверное, получали мои сигналы?

Я их действительно получал. Много писем оловянноглазой гражданки, в которых она «сигнализировала» о проступках и преступлениях своих сослуживцев.

— Как же, как же! — отозвался я. — Знаю ваши письма...

— Ну вот. А теперь я сама приехала. За свой счет, между прочим... Никто не оплатит билетов там и вообще... за поездку. Стратилась я, сами понимаете... Но мне правда дороже. Вот так.

Она уже вынимала из сумки многочисленные бумаги, раскладывала на столе, изучала, поднося поближе к глазам. Но при том говорила не переставая:

— Вы из моих сигналов знаете: коллектив у нас маленький, но — насквозь гнилой. Насквозь!

— Что это означает «гнилой»? — спросил я.

— А то и означает. Ни одного порядочного человека нет. Кроме, конечно, меня. Вот они меня и травят...

— Как травят?

— Известно — как... Не признают моих заявлений. Шипят. Разные надсмешки дозволяют — и на собраниях и — так, то есть походя на работе. Но не на таковскую напали! Я их всех на чистую воду вывела. И еще буду выводить! Вы бы лучше записывали, чего я вам скажу. Так. Значит, наш музей есть областное учреждение... Ну, по народному творчеству мы собираем... Список сотрудников — вот он. Но только — что толку в списке, если не дать характеристики на каждого?.. Ведь так? Вот я и даю.

— Какие характеристики? — спросил я.

— А вот. Вы только пишите, чтобы не забыть. Заведующий наш Васягин Александр Панкратьевич. Он это... не реагирует. И за то надо его, безусловно, снять!

— Как это — «снять»?

— А вы что — не знаете, как снимают? Освободить, одним словом, от работы. Уволить. Тем более он, кажется, живет с этой, с Милкой... Ну, с Людмилой Севастьянов-

ной. Которая работает инспектором в отделе культуры. А если его отчислить, он—что? — он дома будет сидеть. И жена за ним, безусловно, будет иметь надзор. Ведь так?

— Та-ак... — произнес я растерянно.

Но Брызжейкина, не спуская с меня взгляда оловянных глаз, бубнила уже дальше:

— Теперь... Заместитель Васягина. Он — это: хранитель фондов... ученый, так сказать. Пишите: Чухин Леонид Спиридонович. Написали? Теперь добавьте: вор.

— Как это — «вор»?!

— Вы что — не знаете, как воруют? Этот Чухин, он разбазаривает наши фонды. Экспонаты, одним словом, рукописи, картины...

— Да почему вы думаете, что он их разбазаривает?

— Что ж я, не вижу, что ли? Он домой ни разу не уходил еще, чтобы с собой чего-нибудь из музея не захватить... «Я, говорит, дома поработаю»... Знаем мы эти «работы»!..

— Но ведь он, наверное, приносит обратно!

— Да что он — дурак — обратно носить? Чтой-то я не слыхала, чтобы кто таскал обратно на работу, что с работы взятое... Так. Теперь пишите: завхоз Кобеляко Афанасий Ларионыч. Кобеляко... Вот уж подходящая кличка для такого пса! Старый человек, ему на пенсию пора, а он обогащается на работе!

— Как «обогащается»?

— Ну, тоже ворует... что вы, не знаете «как»?! Он одной мастики банок восемь за год унесет.

— Какой мастики?!

— «Какой, какой»!.. Известно какой: которой паркет натирают. Спросите у него мастики, он вам скажет: «Нету, дескать, извели мастику!»... А куда ее извели? Потом, бланки продает. Знаете, которые на отчетность бланки. Он их все — фьюить! — налево!

— Кому же могут понадобиться бланки отчетности музея?

— Не скажите. Для фальшивых сведений. Очень даже понадобятся. А ему — прибыль... Потом, швейцар у нас есть — ну, гардеробщик. Тоже обогащается.

— А этот — как обогащается?

— А чаевые. Думаете, пустяки? Ему кто — двугривенный тык! Кто — гривенничек; кто — четвертачок... Шебуршенко ему фамилия. Запишите тоже! А если его попросишь пальто принять или там дверь открыть, он бурчит: «Швейцаров на вас нет!»... Как же — нет, если он сам и есть швейцар?! Вы посмотрите штатное расписание: швейцар Шебуршенко — прямо так и значится... Дальше идем: уборщица тетя Нюша Харина. Грубит тоже почему зря. Ты ей: «Здравствуй, Нюша!» А она: «Ну, здравствуй, склочница!»... Какая я ей склочница?! Или: «Опять наследила ножищами!» У меня, если хотите знать, ноги — тридцать шестой размер... даже — тридцать пять с половиной, а она... Нет, вы про нее тоже запишите! Та-ак... Кого же

еще? Ах, вот: эти экскурсоводки. Противные девки, если хотите знать. Сейчас это себе нагородят на башке по вавилонской башне, глазищи намажут, губищи намажут, ногти залапают — и ну трещать: «Тут вы видите домотканое полотно семнадцатого века, которое ткали дома...» Да нешто без них не видать — что полотно, а что — прялка или там корыто?!

— Позвольте, но это их обязанность: пояснять посетителям...

— И при обязанностях можно себя вести приличнее! А то — юбки у них живота и то не прикрывают, сапожищи — по самые колени... топ-топ-топ по залам... Глаза бы мои не смотрели!

— Вы знаете, это как-то мало конкретно...

— А может, вам такие вертихвостки нравятся? — Брызжейкина посмотрела на меня испытующим взглядом. Ее похожие на пуговицы глаза не двигались больше двух минут. Затем она вздохнула и сказала: — А теперь давайте дальше... Кто у нас остался еще? Ах, да — эти, ну, музейные служители. Между прочим, я сама тоже числюсь музейной. Но до меня еще надо обговорить Фисакову Ирину Амосовну: спит на работе. Так вот приладится на своем кресле в уголке и — дрыхнет. Многие посетители даже пугаются, какой она храп выдает... Ей-богу! Хррррр-хррррр-брбрбр... Вы съездите, послушайте.

— Стоит ли ехать из-за одного храпа?

— Не-ет, у нас не только храп... у нас чего только нет! Например, в соседнем зале

от Фисаковой дежурит Лапченко Вера Герасимовна. Она, знаете, не только не спит, а наоборот: во все свой нос норовит сунуть! Которые до нее не касаются дела, и те обсуждает!

— Получается у вас: кто спит — хорошо, а кто не спит — тоже нехорошо...

— Не придирайтесь, товарищ! Вы отлично понимаете, что я хочу сказать!.. Теперь: служительницы Бубукина, Ихтышева, Чечевицына — ну, эти, видите ли, не желают поддерживать мое заявление...

— Какое заявление?

— Да о безобразиях же! У нас в музее безобразий — полно, я же вам битый час открываю глаза, а вы не хотите понять!

И тут меня осенило. Я закивал головою и заявил:

— Вполне с вами согласен. Ваш музей лучше всего закрыть! Да-да!

Брызжейкина выпучила глаза. Нижняя челюсть у нее отвалилась.

— Как, то есть, «закрыть»?.. — произнесла она с испугом. — А я куда же денусь? Мне еще до пенсии знаете сколько лет?..

— А вы перейдете в другую организацию.

— Да что вы!.. Кто же меня возьмет при такой характеристике?!

— А вы думаете, у вас характеристика будет... тово... не слишком хорошая?

— Ужас! Ужас, что они мне понапишут!

— Но согласитесь, если весь коллектив у вас такой нездоровый, какой же смысл оставлять всех на месте? Мы добьемся, чтобы разогнали...

— Кто вам позволит?!—завизжала вдруг ретивая воительница за правду. — Да я на вас, вы знаете, чего и куда настрочу... вы у меня... я вас...

Брызжейкина, сгребая свои бумаги, сова-ла их поспешно в сумку. Теперь она просто рычала:

— Придумал тоже! «Закреть»! Да я тебе так закрою, что ты своих не узна...

Я нашел в себе силы скрыть улыбку и строгим голосом заметил:

— Нет, нет! И не просите! Раз у вас подобрались такие плохие люди, всех уволим и закроем ваш музей обязательно! Материалу у нас достаточно: вы же на всех написали. Значит, теперь это дело повернуть совсем нетрудно!

Брызжейкина завыла и кинулась было на меня. Но потом опомнилась и, отступая к двери, проголосила:

— Забудьте все, что я вам тут наговори-ла! Забудьте! И что я писала, тоже все по-забудьте! Я погорячи... пошутила я! Вот именно: то была веселая шутка... Музей у нас — просто замечательный... А коллек-тив... Боже мой! Да где вы еще встретите такой прекрасный коллектив? Ну, где??!! Нету такого коллектива во всем мире!

Она исчезла в дверях, а я дал волю сме-ху.

Но вот меня тревожит: эта Брызжейки-на — дура. И склока у нее пустяковая. А

ведь водятся кое-где склочники матерые. Их на такой примитивный способ не купить... А как бы хотелось, чтобы все склочники испугались и раскаялись в этом поганом своем ремесле. Очень хочется!

рякин, директор довольно значительного завода, занимающего видное место не только в городе, но и в областном и даже республиканском масштабе, сидел за столиком вокзального ресторана и не спеша уничтожал заказанный им антрекот. А за соседним столиком опустился на стул очень бедно одетый гражданин, давно не стриженный и давно не бритый, с тревожным взглядом бегающих глаз. Спросив себе винегрет и порцию вареной вермишели, гражданин принялся осматривать зал, украшенный пальмами в деревянных гробах, поставленных, как говорится, «на попа»; ядовитыми по краскам натюрмортами в рамках с узорным рельефом; стойку с засохшими образцами закусок... По пути от натюрморта к пальме глаз гражданина скользнул и по солидной физиономии товарища Крякина.

— Никак — Крякин?

Поколебавшись немного (стоит ли поддерживать разговор с такой личностью и в таком тоне?), директор ответил:

— Допустим — товарищ Крякин... (Интонацией он подчеркнул,

что без добавления слова «товарищ» называть его неучтиво: не такого масштаба он человек, чтобы для кого-то быть просто Крякиным.)

Но гражданин не обратил внимания на эту поправку. Он подался поближе к Крякину и с нескрываемым интересом спросил:

— Выпустили?!

— Что — выпустили? — величественно уронил Крякин.

— Да не «что», а — кого... Тебя вот... вас! Вас уже выпустили?

— Откуда меня должны были выпустить? — с недоумением произнес директор.

— Известно — откуда. Из тюрьмы ты сам — давно? (Гражданин так и произнес это слово: тю-ря-га — что, как известно, означает тюрьму на языке уголовников.)

Крякин покраснел и отвернулся от гражданина всем корпусом. Только минуты через три он выдавил из себя:

— Вы, гражданин, думаете, что вы говорите? А то ведь и милиционера кликнуть недолго!

— Нашел чем меня пугать!.. Я — уже в порядке. У меня ксива есть и с печатью: отсидел, что мне положено по приговору, полностью!.. Видал? — И гражданин вытащил шершавой рукою из недр подкладки своего одеяния (в котором можно было при известном напряжении узнать нечто, бывшее когда-то пиджаком) затрепанный клочок грязной бумаги...

Крякин демонстративно отвернулся, показывая тем, что беседу продолжать он не намерен. Но гражданин не успокаивал-

ся. Засунув обратно свою «ксиву», спросил:

— Ну, ты — Крякин или не Крякин?!

— Попрошу, во-первых, на «вы»... Да, я — товарищ Крякин.

— Так ты... вы ж со мной почти по одному делу проходили! Об уничтожении рыбы в нашей речке — в Суслянке... Аккурат я попался тогда в третий раз, что рыбу глушу взрывами. И только меня арестовали на берегу, шашки толковые у меня все забрали тогда, лодку опять же... А тут и ты влип...

— Как это «влип»? Попрошу выбирать выражения!

— Ну, засыпался... Засекли тебя... Помню еще, с меня снимали допрос, а к следователю вошел прокурор и говорит: «Что мы будем делать с этим Крякиным? Ведь он всю речку отравил!» Во как! Не то что я там — каких-нибудь полторы тонны рыбешки оглушил, а тут — сразу: рыба в реке сдохла полностью! Это ты отходы с твоего производства приказал спустить в реку. Размах-то какой! Сколько дали?

— Чего дали? — Крякину очень не хотелось разговаривать с этим типом, но не задать этого вопроса он уже не мог...

— «Чего-чего»... Ну, судили же тебя небось?

— Нннет...

Гражданин присвистнул.

— Вот это — да... Как же ты так устроился? Я ведь помню: меня уводили из прокуратуры, а тебя туда привезли... или ты без конвоя, сам пришел?..

— Сам... я это... штраф заплатил, — смущенно сказал директор. — Пять тысяч рублей...

— Новыми деньгами? (Крякин кивнул головою; браконьер присвистнул еще раз.) Вот это — да!.. Откуда ж у тебя такие деньги?

— При чем тут я? Завод заплатил...

— Еще хлеще! За казенный счет, значит... Здорово!

Трудно поверить, но Крякину совестно было теперь смотреть в глаза этому проходимцу. И почтенный директор отвернулся, сделав вид, будто интересуется тем, что происходит за пыльным окном, выходящим на перрон... А браконьер тоже о чем-то, видать, задумался, насупив брови и почесывая грязными пальцами в не менее грязной своей шевелюре. Затем он сказал:

— Слушай, директор, давай так сыграем: возьми меня к себе на завод — ну, в штат, как у вас говорят... Хоть вахтером или разнорабочим... А я тебе буду ловить рыбку... Безусловно, сам попользуюсь малость... И тебя не обижу. Могу даже продавать на базаре, что мы с тобой наловим. Деньги — тоже пополам. А от тебя требуется только прикрывать меня от этих всех рыбнадзоров, милиции, прокуратуры и так далее... Раз у тебя такие связи и все сходит с рук, так какого ж черта мы это будем упускать? По рукам? А? А?..

Крякин испуганно озирался: не слышит ли кто-нибудь этой странной беседы?.. Затем директор оставил на столе деньги, сумма которых значительно превышала цену выпито-

го и съеденного им, и потрусил к дверям... Браконьер, однако, не отставал. Пытаясь догнать Крякина, он повторял все громче и громче:

— Нет, ты обдумай, что я сказал!.. Слышишь, директор? Мы за счет этой рыбы во какую житуху организуем! Раз тебе позволяют губить цельную реку, так в чем же дело? А? А?..

Но директор поднажал и вырвался на перрон. Бывший арестант сильно отстал теперь. Он еще вопил что-то вдогонку. Однако ему скоро стало ясно, что сделка не состоится...

Крякин с облегчением вскочил на подножку вагона: через три минуты поезд должен был увезти директора отсюда. Неожиданное испытание осталось позади... Вот только мысли о гибели всего рыбного населения в чистой речке тревожили теперь Крякина. Но это ненадолго: наш директор привык уже к таким думам и соображениям. Не впервой!

ривет, Василий Павлович! Слышали, какая сейчас — хе-хе-хе! — история вышла?

— Нет, а что?

— Хе-хе-хе... умора, ей-богу... Значит, вышел наш управляющий сей минут на улицу. Хорошо. А сами знаете — гололедица нынче — будь здоров... Вот управляющий сделал шаг и поскользнулся... Да... Поскользнулся, инстинктивно, знаете ли, взмахнул рукой для равновесия... хе-хе-хе...

— Не вижу ничего смешного.

— Обождите, хе-хе-хе! Еще увидите! Да... Взмахнул, значит, он рукою и ка-ак нашего Карпентьева — ну, из строительного отдела — ка-ак ударит по шее... наотмашь этак... умора, хе-хе-хе!..

— Вот это — да! Ну, а Карпентьев — что?

— Карпентьев — что? Он себе стоит разговаривает там с кем-то, вдруг — бац! — получает по шее! Карпентьев поворачивается и видит: это его ударил сам управляющий!.. Хо-хо-хо! Умора ведь — правда?

— Да-да-да... А управляющий — что?

— Управляющий — известно что: «Извините, говорит, товарищ Карпентьев, что я вас нечаянно задел»... Куда же вы, Василий Павлович?!

— Я извиняюсь: тороплюсь... Очень тороплюсь... Другой раз договорим...

— Вот чудак, ей-богу... Побежал, словно ненормальный...

— Анне Никаноровне — наше уважение.

— Привет, Василий Павлович...

— Слыхали, Анна Никаноровна, что у нас в конторе делается? Управляющий наш — хорош, голубчик: только что вот собственноручно избил на улице Карпентьева из строительного отдела!

— Позвольте, как это «избил»?

— А так. Подошел и — по шее его, по шее, по шее!..

— Ай-ай-ай! За что же?

— Думаю, за выступление на активе. Карпентьев, помните, позволил себе критиковать наш баланс. А управляющий не такой человек, чтобы примириться с критикой... Ну, выбрал, значит, момент, подошел и... в общем, рассчитался!

— Какое безобразие! Вот вам — демократия! И куда только местком смотрит?!

— Местком-ом?.. Ну, знаете ли, наш местком вообще всегда будет поддерживать руку управляющего, даже когда она наносит удары в буквальном смысле... Пока мы с вами не перевыберем этого подхалима Ступицына, так оно и пойдет дальше.

— Местком, говорите, будет поддерживать?

— Безусловно. Ну, я пошел, мне некогда... Пока.

— Елизавета Корнеевна, вы слышали, как они с ним расправились?

— Кто с кем?

— Ах, вы ничего не знаете?! Мне сейчас рассказал Василий Павлович Трухин: оказывается, наш управляющий накинулся на Карпентьева из строительного отдела и нанес ему побои. А председатель месткома — этот ваш любимец Ступицын — стоял тут же и еще, знаете ли, от себя наподдал. «Это, говорит, тебе за критику управляющего, это — за нападки на местком!» Так они вдвоем разделали Карпентьева, что у него на шее, на спине, на боках живого места не осталось!

— Какой кошмар! И неужели Карпентьев ничего не мог сделать?

— Я думаю, что он пытался сопротивляться. Тем более вы же знаете: Карпентьев всегда ходит с палкой... Но тут, можно сказать, двое против одного... Он замахнулся палкой раз, замахнулся — другой, а потом все-таки они с ним совладали.

— Какой кошмар! Ну, и где же он теперь?

— Кто? Карпентьев? В больнице, безусловно... А вы как думаете?! А эти двое — скорее всего — в милиции: протокол-то все равно надо составлять...

— Ай-ай-ай! Ну и нравы у нас!..

— Ай-ай-ай!.. Сергей Степанович, вам известно уже?

— Что именно?

— Нет, вы только представьте себе: ваш-то скромник Карпентьев из строительного отдела не то — в милиции, не то — в приемном покое Второй больницы...

— Карпентьев? За что?

— Ха-ха! «За что»! За то, что подрался с нашим управляющим и председателем месткома. Сразу с обоими! Как кинется на них на двоих и давай их своей тростью — по шее, по спине, по бокам... по куда придется...

— Карпентьев — по шее?!

— А вы как думали? Вот они — ваши тихони!.. Спасибо, тут случился милиционер. Дал свисток, вызвали наряд, поволокли его, голубчика... А управляющего — прямо в больницу. Говорят — перелом пяти ребер, не считая, значит, синяков там и ссадин...

— Позвольте! Вот они идут оба вместе — Карпентьев и наш управляющий и спокойно между собою разговаривают... Что же вы говорите, что они — в милиции, в больнице?..

— Тссс! Тихо! Они еще сами не знают, что между ними произошло... Давайте лучше уйдем... Тсс!.. Все на цыпочки, на цыпочки наступайте...

В

сем, конечно, известно: в начале семнадцатого века «тушинским вором» прозвали второго самозванца, который после гибели Григория Отрепьева объявил себя убитым в отрочестве царевичем Дмитрием... Именно он свой лагерь расположил в подмосковном селении Тушино. А сейчас в Тушино ходят автобусы и троллейбусы, там расположен Центральный аэроклуб. Там происходят праздники авиации, и парашютному спорту обучаются тоже в Тушино...

Вот меня и называли однажды «тушинским вором», причем — называли справедливо. Давно это было. Мне едва исполнилось семнадцать лет, и я был крайне влюблен в некую Олю. И она испытывала ко мне чувство. Словом, пришло время мне познакомиться с ее родителями. Я был студент механического техникума. И мое общественное положение в принципе меня устраивало. Но перед отцом Оли хотелось показать более высокое социальное положение... Кто же не поймет такого стремления?..

А Владимир Андреевич — Олин

отец — был полковник авиации в отставке. Вот я и надумал, чтобы завоевать его симпатии, притвориться видным парашютистом. Летчиком сказаться я боялся: тут уж сразу можно было попасться. А вот парашютистом — другое дело. У нас занимаются прыжками с молодых лет. Это показывает храбрость и ловкость... Словом, все ясно...

Когда я пошел в гости к Олиным родителям, я утащил на этот вечер парашютный значок нашего соседа — летчика. Знаете, красивый такой эмалированный синий значок, изображающий парашют в раскрытом виде, в полете, так сказать, а к нему подвешен маленький овальчик, на котором поставлена цифра, означающая количество прыжков, совершенных обладателем значка. У соседа прыжков было двести... И я не рассчитал, что двести прыжков, пожалуй — многовато для парнишки в восемнадцать лет... Но это уже я потом сообразил, что надо было раздобыть значок поскромнее. А в тот вечер я, значит, прикрепил себе к бежевой тенниске значок на двести прыжков и отправился к Оле.

Оля меня встретила в подъезде: от нетерпения вышла навстречу... Мы взялись за руки и вбежали в квартиру. В передней Оля выпустила мои пальцы из своих и вошла в столовую. А там уже был накрыт чай. Хлопотала Олина мама — милая женщина лет сорока. А папа сидел в качалке. Он поднялся мне навстречу, светлыми глазами человека, привыкшего глядеть в небо, посмотрел на меня... На лице папы была добрая улыбка. Жестом он пригласил меня к столу.

Но вот его взгляд задержался на моей груди, и улыбка погасла.

«Ага! — подумал я. — Ключнул на мой значок! Теперь он меня зауважает...»

Но Владимир Андреевич уселся сам (при этом он не спускал глаз с «моего» значка), подождал, пока Оля и я заняли места за столом, и лишь после этого произнес со значением:

— Это что же за украшение у вас, молодой человек? — и движением подбородка он указал на парашютный значок.

— Да, вот... прыгаю понемножку... — самодовольно ответил я. — Безусловно — я не авиатор. (Сам не знаю, зачем я так сказал: авиатор, а не летчик.) Но тоже, так сказать, приобщаюсь к нашим советским деловым небесам...

Оля переводила взор с отца на меня и обратно. И почему-то покраснела. Но я не придал еще значения этому признаку... А Владимир Андреевич нахмурился, помолчал и спросил:

— Сколько раз вы успели спрыгнуть?

— Я? Я это... что-то порядка (тут я нагнул голову, чтобы еще раз прочитать число прыжков, обозначенное на овальчике под парашютом)... двухсот или даже — трехсот...

— Скажите! Триста раз прыгали! Такой молодой и — нате вам! — И в голосе полковника звучала откровенная ирония.

От этой иронии у меня внутри что-то вроде лязгнуло или дернулось... В общем, я ни с того ни с сего поперхнулся и опустил глаза. А Оля почему-то застонала.

— Помолчи, Ольга! — скомандовал отец, хотя она ничего не произнесла. — Та-ак. А сколько вам лет?

— Лет мне... лет мне восемнадцать... с чем-то там...

— Смотрите: какой вы широкий, молодой человек, точно считать не желаете... Прижков у вас — от двухсот до трехсот, а лет вам «восемнадцать с чем-то»...

— Папочка, может, сперва выпьем чаю, — дрожащим голосом выдавила из себя Оля.

— Я сказал: помолчи. Та-ак... В восемнадцать лет вы напрыгали уже двести раз. Вон у вас на значке так обозначено.

— Да, — подтвердил я со вздохом. И сам почувствовал, что интонация у меня была вроде как с сожалением: мол, неприятно это, но — что ж поделаешь? — вот напрыгал уже на третью сотню...

— Сколько же раз вы прыгаете, когда попадаете на аэродром?

— Я? — переспросил я, чтобы как-то оттянуть ответ. — Я это... если уж дорвешься, как говорится, до летного поля, то, безусловно, сигаешь раз десять — двенадцать кряду...

Мне хотелось выговорить эту фразу небрежно и самоуверенно, но я и сам услышал, что мямлю очень невнятно и даже — с испугом. А Оля закрыла руками лицо и дышала прерывисто.

— Правильно! — подхватил Владимир Андреевич; он даже как-то развеселился. — А с какими вы парашютами обычно прыгаете?

— С этими... как их? — ну, с воздушными...

— Они — что же? — сшиты из воздуха?

Я сделал вид, что смеюсь такой забавной шутке. Но смех тоже получился тревожный — вроде я подавился, отправив кусок еды «не в то горло», и теперь выдыхаю с трудом и с болью крошки...

— Зачем же... хе-хе-хе... воздушные? — проговорил я наконец. — Сами парашюты — они брезентовые. В основном... Или там полотняные... Из мадапалама... из бязи.

— Из бязи, вы говорите? — Владимир Андреевич сыграл большое удивление.

— Ага. А к ним пришиты эти... ремни... лямки... в общем, постромки...

— «Постромки» — вы говорите, молодой человек?

— Да. То есть нет. Не постромки, а эти — стропила...

— «Стропила»? Как на стройках?! Очень интересно. Это что — новое изобретение в области парашютизма? В мое время такого еще не было.

— Папа! Хочешь чаю?! — истерически звенящим голосом выкрикнула Оля и метнулась к чайнику, чтобы налить отцу.

Но он остановил ее жестом руки.

— Обожди, дочка. Выясним сперва все до конца. Вы можете мне рассказать: как вы прикрепляете к своей особе парашют? Технически как вы это делаете?

— Как когда, — прошептал я.

— Не слышу!

— Как, говорю, когда... Иногда полностью пристегиваюсь...

— Пристегиваетесь? Отлично. Это значит — иногда. А в других случаях — что происходит?

— А иногда, так сказать, — внакидку... Если расстояние до земли не слишком тово... огромное...

— Угу. Очень интересно! — теперь полковник не скрывал, что он издевается надо мною. — Значит, вы пользуетесь парашютом то пристяжку, а то — внакидку. Как вот чай пьют: когда — внакладку, а когда — вприкуску. Молодец!

На секунду во мне возникла надежда, что слово «молодец» сказано без иронии, всерьез... Но, подняв глаза на Владимира Андреевича, я понял, что моим пыткам конец еще не пришел.

— А вам не приходилось прыгать наизусть, юноша? — задал очередной вопрос папа.

— Приходи... а как это — «наизусть»? — спохватившись, переспросил я.

— Ну, так: вы прыгаете без парашюта, а потом вам вдогонку бросают мешок с ним.

— А разве так бывает? — наивно удивился я. И только задав этот вопрос, понял, что я опять дал промах.

— Я читал, что теперь бывает. Ну, если с вами такого еще не было, то — ладно. Хорошо, что вы не рисковали с этим делом...

Оля вскочила со своего места и убежала, громко плача. Мы с полковником про-

водили ее глазами, затем, как по команде, оба повернулись лицами друг к другу.

— Что бы у вас еще спросить? — раздумчиво произнес Владимир Андреевич. — Ах, вот: а в стратосферу вам не приходилось залетать? Чтобы оттуда вниз головой — у-у-у-у-у! — к земле... Внакладку или впрысядку... А?

— Приходилось! — отчетливо и громко заявил я. Поняв до конца, что я морально, так сказать, уже рухнул, я решил перейти в наступление. — Сколько раз я именно так — у-у-у-у-у!

— Молодец! Может, ты и в космос залетал?

— А как же. Вчерашний день из космоса. Даже не согрелся еще толком. Там ведь знаете какие холода?..

— Значит, ты и с невесомостью знаком?

— А как же? Как вот с вами... Хочешь встать со стула, а сам уж подскочил под потолок! — Я был так огорчен и разозлен, что решил показать себя.

— Так. А теперь пошел вон, врунишка несчастный! — сердито сказал Владимир Андреевич и поднялся.

— А почему? За что?

— За то, что я не желаю, чтобы моя дочь дружила с таким типом... А этот чужой значок, который кто-то честно заработал в Тушино... Знаешь, кто ты есть?! — тушинский вор! Убирайся вон!

Я хотел было независимо пройти к дверям, но почувствовал такую невесомость от всего вышеописанного, что качнулся и упал подле стола... Тут подбежала Оля и увела

меня на улицу. Отец ее смотрел на нас крайне строго. А мама просто не показывалась больше. Ей, наверное, неприятно было наблюдать мой уход.

С тех пор прошло много лет. С Олей я давно раздружился. Но свой лжетушинский дебют помню отлично. И буду помнить всю жизнь.

огда молодая учительница первых классов Лиля Остеркина бежала на урок в свой 2-й «В» класс, ее остановила в коридоре завуч школы Татьяна Степановна — средних лет особа внушительных габаритов, в очках, через которые глядели на мир острые и быстрые глазки.

— Лилечка, я давно вам хотела сказать, — начала Татьяна Степановна, жестом дав знать учительнице, что ей должно выслушать нечто значительное, — я давно хотела сказать: очень уж велика успеваемость в вашем классе!

— А что же я могу сделать? — с недоумением отозвалась Лиля. — Дети у меня — маленькие, они еще толком не умеют прорабатывать задания... да и на уроках им трудно долго сосредоточить внимание...

— Это мы все знаем, — перебила завуч. — Но вы учтите, что ваши двойки снижают успеваемость всей школы и даже успеваемость нашего района. Если это дойдет до заврайона, — вы знаете, что будет?.. Товарищ Пахомов шутить такими вещами не любит. И наш директор выражала сожаление о том, что...

— Хорошо, Татьяна Степановна, я постараюсь исправ... поговорить с ребя... в общем, подумать об этом...

Лиля не смогла найти точное выражение своих мыслей и побежала на урок огорченная.

В классе учительница наклонилась над журналом, чтобы ребята не видели ее расстроенного лица. Она три раза прочитала список учеников и только на третий раз принудила себя остановить внимание на фамилии «Бочков». Она вспомнила, что у Димы Бочкова с арифметикой всегда существовали нелады; последняя отметка у него за домашнее задание тоже была двойка. И учительница решила проверить, насколько именно этот мальчик справился с задачами сегодня.

— Бочков! — воззвала Лиля.

На четвертой парте поднялся толстенький щекастый парнишка лет восьми с фонтанчиком белесых волос на самой макушке. Он подозрительно поглядел на учительницу и засопел носом.

— Дима, — сказала учительница с самой ласковой интонацией, на которую была способна, — ты решил задачу, которая была задана на сегодня?

Мальчик сперва отрицательно покачал головой, но тут же, видимо — спохватившись, кивнул подбородком:

— Ага. Решил, — неожиданным для его возраста баском ответил он и отвернулся, будучи не в силах вынести взгляда Лили.

— Ну, и какой же у тебя получился ответ? — с надеждою спросила Лиля. (Если

бы Дима сказал правильную цифру, можно было бы, не допрашивая его дальше, сразу поставить тройку, а то — и четверку.)

Дима снова отвернулся и засопел громче.

— Ну?

Дима пыхтел уже, как маленький паровоз.

— Ну, скажи мне, Дима, сколько у тебя получилось в ответе?

Мальчик обвел глазами товарищей, что сидели к нему поближе, явно сигнализируя им «SOS». Кое-кто из ребят невнятно зашептал.

— А? — наивно переспросил Дима, наклоняя ухо в сторону своего бойкого дружка Вовки Калининченко, сидевшего на соседней парте.

Но учительница вмешалась.

— Вова, — произнесла она сладким голосом, — зачем ты подсказываешь Диме, что в ответе там — цифра двенадцать? Дима и сам это знает. Ты знаешь, Димочка?

Дима нахмурился и двинул головою вбок, желая снова ответить отрицательно. И на сей раз гораздо скорее остановился в этом своем намерении.

— Ага! — громко заявил он, кивая сверху вниз. — Знаю.

— Ну, вот и молодец. А чего там было двенадцать? А? Ну, ответь!

Лицо Димы показало, что данный вопрос он считает личным выпадом против себя и подвохом. Он невольно переспросил:

— А?

— Я спрашиваю: чего оказалось двенадцать в этой задаче? Ты помнишь?

— Неа, — сердито выдавил из себя Дима и отвернулся столь решительно, что весь класс поглядел в ту сторону, куда ушла его голова.

— Ну, как же ты не помнишь, — искательно начала учительница. — О чем шла речь в задаче? Знаешь?

— Неа...

— Хорошо, я тебе напомним: там сказано, что у мальчика было двадцать пять яблок... Ты любишь яблоки, Дима?

Шустрый Вовка Калининченко поднял руку кверху с поспешностью, необычной даже для него...

— Тебе что, Вова?

— Я хотел сказать, что я люблю яблоки, Лилия Ивановна! — бойко отрапортовал Вова, вскочив со скамьи, как пружинный чертик.

— И я! И я! И я! — подхватили дети.

— Тихо, ребята! Сейчас мы толкуем не о том. Сейчас я хочу узнать: помнит ли Дима Бочков задачу?..

Голоса умолкли. Но Дима не спешил с ответом. Он стоял, скрестив руки за спиной, словно ждал нападения.

— Ну, так вот, Димочка, что же сделал в задаче тот мальчик со своими яблоками?

Дима еще немного посопел и, не вникая в подсказываниям, которые гудели уже со всех сторон, выговорил кратко и энергично:

— Съел.

— Как?! По-твоему, мальчик может съесть сразу двадцать пять яблок?!

— Может! — отрезал Дима и еще раз отвернулся.

— Сомневаюсь, — с фальшивой улыбкой заметила учительница. — Если бы ребенок съел сразу столько яблок, то...

— У него было бы расстройство желудка! — восторженно выкрикнул Вова Калининченко, счастливый возможностью обнаружить свою смекалку и в то же время высказать в классе сомнительную мысль.

Ребята дружно захохотали. С трудом наведя порядок, Лиля обратилась к Диме, который успел уже сесть:

— Встань, встань, Дима! Наш разговор еще не окончен.

Дима встал, всем видом своим показывая, что он предпочел бы, чтобы разговор этот уже был закончен.

— Итак, у мальчика было двадцать пять яблок. Что же он с ними сделал? Ты можешь мне ответить, Дима?

— Неа...

— Ну, хорошо. Я тебе напомню: десять яблок он отдал своим товарищам, а сам съел — сколько? Ну?

— Остальные! — отрезал Дима.

— А вот и не все остальные! Пятнадцать яблок—это тоже многовато. Кто помнит: сколько яблок съел тот мальчик? Вова, опусти руку. Все уже поняли, что ты знаешь задачу. Рита, отвечай ты.

— Он съел вшего три яблочка, — достойно ответила шепелявая (по причине

выпадения молочных зубов) Рита, чуть приподнявшись над партой.

— Правильно. Садись, Рита.

— Ну и дурак!

— Кто сказал «дурак»? Ты, Вова?

— Ага. Я. Если бы у меня было столько яблок, как у того дурака, я бы слопал десяток, а не три фиговых яблочка...

— Вова, Вова, ну, какие ты говоришь слова! Разве можно мальчика называть «дураком»? Разве можно говорить «лопать»? Разве... сядь сейчас же! Дима, теперь ты понял задачу?

— Неа... то есть ага. Понял.

— Ну, вот видишь! Значит, ты можешь, если хочешь. Садись, Дима. Я тебе ставлю тройку...

И под удивленный ропот класса Лиля, краснея от нелепости своего положения, начертила в журнале аккуратную тройку против фамилии «Бочков»...

На следующей перемене, Лиля, возвращаясь в учительскую, опять встретила Татьяну Степановну. Покраснев еще раз, учительница сказала:

— Только что у меня Дима Бочков ответил на тройку...

— Вот видите! — отозвалась завуч. — Вы же можете, когда хотите!

на и сама не понимала до конца: что она рассказала. Немолодая сотрудница райзагса, доселе молчавшая за шумным «именинным» столом, вдруг поведала нам:

— Вот вы говорите — часы пик на транспорте. Ну, это все знают — в метро или на троллейбусах, когда люди торопятся на работу или с работы, там просто давка начинается... А я работаю в районном отделении загса: лично я, если кто умер в нашем районе, регистрирую, справку выдаю. Другие товарищи записывают браки и рождения. А вот когда у нас наступает наш «пик», то... Какой такой в загсе «пик»?.. Ну, как же: в конце июня завершается выпуск студентов из высших учебных заведений: институты, университет, военные училища и академии и так далее. В эти дни нам приходится выставлять дополнительно несколько столиков для регистрации браков: молодые люди и девушки долго ждали этого времени — получения дипломов, чтобы оформиться... И тем более — многие уезжают из Москвы на работу надолго, далеко...

Вам приходилось видеть, как работает почта в предпраздничные дни, когда буквально миллионы поздравительных телеграмм и писем сваливаются на каждое отделение связи?.. Вот так примерно и у нас бывает в июле... Тут меня обычно переводят тоже — на браки. И приходится заполнять бланки в условиях, что эти все женихи и невесты толпятся вокруг тебя, смеются, ссорятся, торопят... Такой галдеж происходит. Почти у всех — вино, конфеты там, фрукты... Родственники и друзья сопровождают молодых. Проси не проси, чтобы потише, все равно как на базаре шум...

И вот прошлый год в такой бешеный период я принялась записывать одну парочку, а у него в паспорте была пометка. И это мне показалось подозрительным. Я отложила этот паспорт в сторону, и паспорт его невесты тоже, конечно, отложила, а сама начала регистрировать следующую пару. Но тут эти недооформленные молодожены принялись шуметь: дескать, очередь наша, почему нас недооформили? Мы требуем! — и так далее... Что мне было делать? Я взяла паспорт с пометкой и пошла посоветоваться с нашим заведующим. Заведующий сказал, что ничего такого он не видит, регистрировать можно... Понимаете?

Я возвращаюсь за свой столик, объявляю предыдущей парочке, что, мол, все у них в порядке и нормально, записываю их в книгу — у нас, как вы, наверное, сами знаете, есть такая государственная книга

записей о бракосочетаниях. Затем я выдаю на руки молодым удостоверение — тоже на государственной бумаге с водяными знаками. Поздравляю их. И, конечно, принимаюсь регистрировать следующую пару, которая тоже отдала мне свои паспорта еще до того, как я бегала к заведующему... Нормально регистрирую и этих, поздравляю, даже, как сейчас помню, пригубила шампанского из ихнего же бокала: они принесли с собою и вино, и бокалы, и салфетки, и, конечно, торт... Тут вся очередь кричит «горько», обе парочки целуются и уходят...

А я — что? Я берусь за следующих жениха и невесту. Через час я просто думать позабыла про ту пару, у которой на одном паспорте была пометка... Но только я вдруг вижу: эта четверка — то есть и те, что с пометкой, и те двое, что были сразу за ними, они опять рвутся к моему столу и как-то чересчур нервно приближаются... Чего-то там галдят, огрызаются на тех, кто в данную минуту стоит в очереди... В чем дело?

Тот, у кого в паспорте была пометка, кричит:

— Товарищ, что ж вы наделали?! Вы же нас зарегистрировали крест-накрест!..

Я сколько лет работаю в загсе, сроду еще не слышала такого выражения: «регистрировать крест-накрест»... И я пытаюсь эту четверку ввести в рамочки:

— Товарищи, давайте без эксцессов! Вы уже все вступили в брак, идите к себе домой, начинайте новую сознательную семей-

ную жизнь и дайте товарищам, которые еще не поженились, приобщиться к такому же счастью!

А они все четверо как загалдят:

— Какое же это счастье, когда вы нас неправильно расписали?!

— Товарищи! Ну, зачем вы так говорите? Вы записаны точно по инструкции о совершении брачных записей, и в этой книге навеки обозначено...

Одна из невест... то есть теперь уже — из супруг визжит:

— Вы же меня записали с ее женихом! — и показывает на другую молодоженку. — А моего мужа отдали ей!!!

Я даже рот разинула. А вся четверка опять загалдела:

— Да! Да! Правда! Она говорит правду! Мы будем жаловаться!

Вы понимаете, товарищи? Оказывается, это я сама, когда бегала на консультацию к заведующему по поводу помарки в паспорте, потом перепутала паспорта и, действительно, зарегистрировала их крест-накрест!.. Что ты будешь делать?!

А молодожены продолжают наседать:

— Сейчас же перерегистрируйте нас обратно! Скорее!

И еще вся очередь начинает шуметь, словно их всех касается это недоразумение. Народ ворчит:

— Э, да тут нужно держать ухо востро!.. Не то тебя запишут бог знает с кем либо заместо брака развод оформят, а то и — похороны...

Я хочу соблюсти мой собственный авто-

ритет и, наконец, авторитет нашего солидного учреждения и говорю им:

— Товарищи, попрошу тишины: работать в таких условиях я отказываюсь. Это — во-первых. А во-вторых: еще надо проверить ваши безответственные заявления, товарищи брачавшиеся. Предъявите ваши паспорта и свидетельства, которые я вам выдала!

— Пожалуйста! Вот они!

Я рассматриваю документы и вижу, что воистину я их соединила по принципу кадрили... Знаете, есть такой старинный танец, в котором кавалеры и дамы меняются местами?.. Что же теперь делать? Запись аннулировать не так просто. И притом: ошибка-то — моя... Все ж таки я пытаюсь соблюсти свое достоинство. Я им заявляю:

— Да, действительно, есть известное несоответствие между сегодняшними вашими брачными записями в книге и предварительными заявлениями от вас же — то есть от обеих парочек...

Тут все, кто это слышит, как загалдят:

— Ничего себе «несоответствие»! Что ж у вас тут делается, если людей венчают по произволу отдельных работников?!

Понятно, что под «отдельными работниками» они подразумевают меня одну. Мне делается не по себе, поскольку народ прямо разбушевался... Но я поднимаю руки перед собою, будто ладонями отодвигаю всех в воздухе, и успокаиваю эту толпу брачавшихся и родственников:

— Тихо, тихо, тихо, товарищи! Повторяю: в подобной обстановке я за правильность записей ручаться не могу!.. Безусловно, мы исправим эту ошибку, которая вкралась в нашу книгу совершенно напрасно, но на это мне нужно время! Так?..

Тогда один из неправильно мною женатых — как сейчас помню, военный, старший лейтенант, — он начинает волноваться еще больше... Он произносит:

— Какое «время», когда я сегодня в шестнадцать ноль-ноль убываю к месту службы — на Алтай?!

Я просто не знаю: что ему ответить? И вдруг его невеста — то есть теперь уже жена, но не та, с которой я его неправильно зарегистрировала, а как раз другая, та, что была им самим намечена для брака ранее и которая значится в предварительном заявлении, но по моей вине расписана с другим, — она его спрашивает с раздражением:

— Это еще что за новости?! Какой такой может быть Алтай?! Ты же меня уверял, что останешься на работе в Москве!

— Да, Лелечка, — отвечает ей старший лейтенант, — сперва предполагалось, что я буду служить тут. Но вчера меня вызвали к начальству, и мне приказано ехать на два года в район Алтая, чтобы...

— Ну, извини меня! — перебивает его эта первоначальная невеста. — Я — не дура, чтобы обречь себя на жизнь в захолустье! Я, может, и согласилась за тебя выйти потому, что намерена остаться в столице!

— Лелечка! Что ты говоришь?! Как же мне быть без тебя?! — Это старший лейтенант жалобно так обращается к ней.

А она отвернулась от него полностью и через плечо показывает большим пальцем на молодоженку № 2, которая из второй пары:

— Можешь захватить с собою эту гражданку. И тем более она с тобою уже зарегистрирована! Ха-ха-ха!..

Вы понимаете, товарищи? Эта особа буквально смеется над своим намеченным заранее мужем. Более того: она тут же спросила молодоженку, как мы ее условно назовем — № 2:

— Гражданочка, а вы поедете с ним на Алтай?

Весь народ так и придвинулся к этой четверке: каждому хочется услышать, что скажет нечаянно зарегистрированная жена офицера. Такая, знаете ли, из себя довольно миловидная девушка лет девятнадцати — не больше. И вдруг мы слышим: эта девушка негромко, но твердо говорит:

— Да. Я поеду, если товарищ офицер сам предложит мне с ним отправиться туда, где он будет работать!

Народ прямо ахнул. И я в том числе. Но тут вступает первоначально намечавшийся супруг этой особы № 2:

— Катя, я, наверное, ослышался... Ведь недоразумение с записью скоро будет исправлено! Мы должны ехать к моей маме в Голицыно, где нас ждут на свадьбу и вообще... чтобы мы там провели медовый месяц...

— Вот именно! — откликается Катя. — От твоей мамы я хоть на Алтай уеду, хоть — на Северный полюс... А в Голицыно мне ехать вообще противно!

Ее намечавшийся муж оглядывается на все стороны и шепчет:

— Ты хоть при людях не срами мою маму... и меня!..

— Мамочке своей передашь от меня привет. А себе самому кланяйся...

— От кого, Катя?!

— От меня же, Вова. Ну, так что же — как оно будет, товарищ старший лей...

— Костя — я. Константин. Я очень рад! Едем на Алтай, Катюша!

— Вот и отлично! А ты, Вова, попроси вот эту гражданку, которая боится Алтая: может быть, она согласится принять участие в свадьбе в Голицыно — в качестве невесты и вообще...

— Катя! Ну как же ты можешь?! Это... это... это я не знаю что!

— А я знаю: избавление отроковицы из пасти чудовища. Отроковица — это я. А чудовище — твоя... кхм... Кстати, Леля, вот вы боитесь ехать на периферию. А вам не страшно будет войти в дом, где свекровь — как бы это выразиться? — пострашнее всех трудностей горной жизни?

— Нет, Катюша, — я правильно вас назвала? — со свекровью я справлюсь. Будьте уверены. Вопрос только в том: подойдет ли мне ваш предполагавшийся муж?.. Ну-ка, Вова... Владимир Семенович, если я правильно прочтала в нашем с вами нечаянном свидетельстве о браке... Правильно? Ну

вот и отлично. Расскажите мне немного о себе, о своей работе... ну, и о вашей матушке... В Голицыно у вас — своя дача?

— Дача своя. И участок хороший. А вообще я — научный сотрудник. Пишу диссертацию... квартира в Москве у меня есть... Знаете что, Леля, отойдемте лучше в сторону: больно много народу нас слушает...

— Не возражаю... А где же мой бывший Костя?

Тут этой Леле объясняют другие брачащиеся:

— Он уже ушел — ваш Костя: все ж таки скоро поезд у них! На Алтай ехать — не шутка!

Леля спокойно кивнула головой и отошла к стенке. Но тут кто-то спросил Вову:

— Извините, я хотел бы знать: вы не боитесь взять такую жену, которая заранее готовится к войне с вашей мамочкой?

— Нет, — отвечает Вова, — с моей мамой иначе нельзя. И потом, надо же мне кого-то привезти в Голицыно, если приготовлен уже свадебный пир...

А через пять минут Леля сказала мне:

— Товарищ регистратор, мы вот с мужем сейчас тоже пойдем отсюда. Но мы оставляем за собою право впоследствии потребовать исправления неточно выполненной записи в вашей книге... Если, конечно, это нам понадобится... Вы слышите?

Я заявила, что слышу. А что мне оставалось сделать?.. И они тоже ушли — под смех и аплодисменты всех собравшихся...

Вы, наверное, хотите знать: пришла ли эта пара для аннулирования записи? Може-

те себе представить: не пришли. До сегодняшнего дня их нету! Но и те, которые поехали на Алтай, не появлялись у нас и письменно тоже не требовали расторжения брака. Так что я, если хотите знать, даже выговора не получила за свою серьезную ошибку при исполнении обязанностей... Как будто так и надо было их регистрировать: крест-накрест...

МНИМЫЕ БОЛЬНЫЕ, ИЛИ НЕПУТЕВЫЕ ПУТЕВОЧНИКИ

1. СРОЧНО ВЫЗДОРОВЕЛ

В

этом санаторий меня привезли вскоре после тяжелой операции. Чувствовал я себя неважно. Диета мне была показана строжайшая. Я разместился в палате, где стояла еще одна кровать, а на кровати помещался угрюмый человек — с виду в состоянии не лучшем, чем я сам. Едва я уложил в тумбочку нехитрое свое имущество, как прозвучал сигнал к обеду...

И за столиком в большом зале я оказался рядом с моим соседом по палате. Ел я мало и неохотно. Но сосед еще меньше вкушал от диетических яств. Он капризно ворошил вилкой или ложкой содержимое тарелок, брезгливо гримасничал и возвращал официантке все блюда подряд со словами:

— Возьмите, девушка, неохота мне что-то... бог уж с нею — с едой. Вот когда выздоровею, поедем по-настоящему...

И он вздыхал так глубоко и печально, что официантка отвечала ему сочувствующим вздохом...

После обеда мой сосед лежал на кровати и читал «Огонек». А за

ужином снова отказывался от еды, испускал вздохи и грустно качал головою, как бы сокрушаясь о своем здоровье...

Мы рано отошли ко сну. И я скоро очутился в «объятиях Морфея»... А проснулся я часов в восемь. Летнее утро шумело и сияло уже во всем своем блеске. У окна, выходящего в сад, стоял мой «сокоечник» в полосатой пижаме, короткой не по росту, и разговаривал вполголоса с женщиной, которая оперлась локтями о подоконник и всунула в нашу палату голову и торс, формально находясь в саду (палата наша помещалась на первом этаже).

— Ну, а Пахомов что тебе сказал? — строгим голосом вопрошал мой сосед.

Женщина грустно как-то всхлипнула и ответила:

— Тоже говорит: «рано еще»...

— Хорошо ему указывать: «рано, рано»! Он бы сам попробовал!..

— А что же сделаешь, Пашенька? — виноватым голосом произнесла женщина. — Вот и Кудеркин тоже посоветовал не торопиться...

— У Бульбарка была?

— Была. А как же?.. Бульбарк еще того строже: «Я, говорит, ему пропишу, если он — если ты то есть — появится сейчас!» Бульбарк очень сердитый.

— Да ревизия хоть кончена?!

— То-то и дело, Пашенька, что — нет. Бульбарк говорит: «Сейчас самый тонкий момент — акт пишется». Ревизионный, то есть, акт. Он мне сказал: «Если, говорит, ваш муж сейчас высунет нос, — тогда все;

тогда и ему каюк, и нас всех за собой потянет. Пусть сидит там в больнице тише воды, ниже травы». Вот так...

— Нда... Как будто я один носом рыл, а они — святые ангелы — в стороне стояли и ахали!.. Чтоб их всех!!!

— Пашенька, ну что ж поделаешь?.. Каждому свое... Зато кончится ревизия, ты опять начнешь оклад получать, народ соберем у нас дома, закусочка будет, винцо...

— «Закусочка, закусочка»!.. Когда-то еще это я съем твою закусочку... Лучше скажи, что ты мне принесла?

— Добыла кой-чего... Балычок... на вот, бери... сайры баночку... селедочку в винном соусе... я знаю, ты соленькое любишь... Торт возьми: бисквит с шоколадным кремом... Или, может, тебе жирного-то не надо?

— Ты что? — обалдела? Почему это мне не надо? Нешто я — на самом деле больной? Я тебе утку заказывал жареную...

— Вот она — утка... А вот — копченой колбаски кольцо...

— Ладно. Водку захватила?

— А как же!.. Я четвертинки купила: все ж таки легче тебе будет прятать под кровать-то... Забирай: четыре четвертинки...

— Ладно. Ступай теперь. И скажи там всем — особенно Пахомову и Бульбарку, что я долго ошиваться на этой койке не намерен! Пускай поторапливаются!..

— Пашенька, так разве ж это от них зависит? Они же сами сидят по домам, как суслики, трясутся, а ты говоришь...

— Ладно. Завтра принеси килечек: что-то мне килек очень хочется...

— Принесу, Паша, не сомневайся, все принесу. Лишь бы ты успокоился...

— Ну, ступай, ступай, нечего тебе...

Женщина в последний раз всхлипнула и отступила от окна. А мой сосед донес полученные им яства и пития до тумбочки у кровати и принялся шуршать бумагой, разворачивая свертки и извлекая утку и балык, селедку и четвертинки... Заметив, что я проснулся и гляжу на него, он смущенно захихикал.

— Да, вот так, дорогой сосед... Приходится иной раз и поболеть без болезни... Балычком не побалуется вместе со мной? Нет? А уточки кусочек?.. Жирная, бестия! Один смак!..

Выслушав мой отказ, мнимый больной повернулся ко мне почти что спиной и зачавкал с каким-то даже остервенением...

За завтраком в девять часов утра он часто икал и прикладывал при том руку к левой стороне груди. Трижды произнес он очень громко — чтобы все слышали:

— И так каждое утро... уж не знаю: сердечная у меня икота или, наоборот, желудочная?.. А эти врачи мне толком объяснить не могут... Безусловно!.. Откуда им знать, хе-хе-хе...

Воровато посмотрев на меня, он сел на свое место за столом и по-вчерашнему принялся ворошить вилкой скромные диетические блюда:

— Ой, ну что делать, когда аппетиту нет у человека?.. Ну, никакого нет аппетита!..

...Дней через пять после моего приезда (и все пять дней повторялись утренние ви-

зиты жены и вручение снеди) за обедом мой сосед по палате небрежно развернул газету, только что принесенную культурником. Рассеянно проглядывал он текст и изображения на газетных страницах. И вдруг голова его дернулась вперед, он приблизил газету к глазам и вскрикнул: «Ага! вот оно!» Затем последовало бормотание: он прочитал почти вслух поразившую его заметку. Поднял нос кверху и внезапно заблестевшими глазами оглядел всех. Выражение самодовольства и тщеславия появилось на его лице. Он встал и, оттолкнув ногою стул, пошел к выходу.

— Ладно! — громко заявил он. — Довольно мне с вами тут ваньку валять. Выздоровел я. Выздоровел!

— Что случилось? — с любопытством спросил его один из отдыхающих.

— А то случилось, что наше управление ликвидировано. Вместо него — новый комитет будет. Ну, выходит, что по нашим делам теперь учет получится морского типа...

— Морского? Как это?

— А так: все концы в воду... Понятно? Кому теперь интересно копаться в старых делах?

И, расстегивая на ходу ненавистную ему пижаму, чтобы сбросить ее поскорее, мой сосед вышел из столовой. Он срочно выздоровел!

2. ВОПРОС САМОЛЮБИЯ

Дежурный врач санатория принимал новую партию больных. По очереди к его столу подходили люди с нездоровым цветом

лица, с отеками под глазами и прочими признаками болезней. Но вот приблизилась к доктору гражданка средних лет завидной упитанности, с румянцем во всю щеку, одетая кокетливо и с претензией на моду. Часто замигав начерченными ресницами, она присела несколько набекрень на кресло подле стола и манерно протянула путевку.

— А ваша курортная карта? — спросил врач, принимая бумагу.

— Ах, справка... справка у меня есть... Из нашей поликлиники...

И «больная» принялась рыться в полуметровой своей сумке с пастью, словно у бегемота.

— Нет, нет, товарищ, нам нужна не справка, а именно — курортная карта. Санаторий у нас — специализированный: мы лечим почки.

— Ну что ж... Почки у меня тоже есть. Подлечите их, — кто же станет возражать?..

— Но если у вас нет болезни почек, вряд ли вам стоит оставаться у нас...

— Вот тебе раз! — обаятельная улыбка исчезла с лица гражданки, и проглянула железная маска упрямой добычицы и хищницы. — Я, понимаете ли, хлопотала-хлопотала, с таким трудом получила к вам путевку, и вдруг — нате вам!..

— Но поймите, что вам самой будет не очень приятно здесь! — сказал врач.

— Обо мне можете не беспокоиться: за себя я как-нибудь уже постою!

— Да, но у нас, например, специальная почечная диета.

— Ну и что?

— Как — «и что»?! Мы все блюда подаем без соли.

— Неужели мне трудно будет самой посолить суп или там бифштекс?

— Как раз бифштексов не будет: мясных кушаний у нас не положено.

— Да? Забавно... Но, в конце концов, я могу докупить колбасы или консервов и дать повару сварить, так сказать, частным образом...

— Это категорически запрещается.

— А вы даже и не узнаете об этом. Дело будет между нами: я и повар сговоримся и... Кстати, ваш повар — хороший кулинар? Я терпеть не могу этого массового «харча», как в забегаловках...

— Наш повар — специалист-диетолог.

— Какой, какой специалист?

— Диетолог. Он имеет образование в масштабе...

— Ну, это — его дело, какие у него там масштабы. А лично я люблю покушать и надеюсь, что у вас... За те деньги, что я заплатила за путевку, знаете ли, можно давать отличный блюдаж!

— Что давать?

— Я говорю: блюдаж. Что вы, не знаете этого слова? А еще специалист, доктор... Ну, ладно. Скажите мне: в какой корпус вы меня поселите? И потом: нельзя мне пожить одной в палате? Терпеть не могу жить с малознакомыми бабами...

— Но поймите же, гражданка, что вам нельзя оставаться у нас!

— Нет уж, если я приехала сюда, истра-

тилась, так я здесь останусь во что бы то ни стало! Какие у вас есть развлечения для больных? Ну кино будет, это я и без вас знаю. А как насчет танцев? Площадка приличная есть? Паркет или — как в парках — гудрон?

— Танцев у нас нет: не те больные.

— Хорошее дело!.. Так как же ваши больные развлекаются?

— Процедурами развлекаются.

— Да?.. Это забавно... А что за процедуры? — хотелось бы знать.

— Разные... уколы, например...

— Нет, этого я терпеть не могу. Чтобы за мои деньги меня бы еще кололи... Ни за что! А еще что?

— Грязь у нас есть.

— А где ее нет? Вы поверите? — даже у нас в доме такая развелась склока, такая грязь... Эта — из восьмой квартиры — ну, Спиридонова — так она приревновала, знаете ли...

— Я имею в виду лечебную грязь. А про ваш дом слушать, извините, мне неинтересно...

— А кому это может быть интересно? Весь дом ходит ходуном из-за одной мерзавки...

— Нда... Так вот: придется вам возвращаться обратно.

— Вы что, смеетесь?! Я столько времени добивалась этой путевки, такие перенесла хлопоты... Если бы вы знали, кого мне пришлось поставить на ноги, чтобы попасть к вам... Это, наконец, вопрос самолюбия!

— Да поймите вы: ваше место нужно во- истину больному человеку!

— Вы еще, между прочим, меня не ос- матривали. Ничего неизвестно. Может, я по- большее всех этих ваших почечников!

— Тогда предъявите курортную карту.

— Да что вы заладили «курортную кар- ту, курортную карту»!.. У меня с собою мои почки... я вся здесь, в конце концов! При чем здесь — карта? Лечить-то вы буде- те не карту, а меня!

— От чего лечить?

— От чего надо, от того и будете ле- чить. Например, я думаю, что у меня миски не в порядке.

— Какие миски?

— Почечные. У одной моей приятельни- цы было воспаление этих мисок, и она мне рассказывала, что с ней происходит. Так у меня — буквально то же самое бывает...

— Вы, вероятно, имеете в виду почечные лоханки?

— А не все ли равно? — миски, лохан- ки, окарята там, кастрюли... Важно, что у меня есть чего лечить!

— И все-таки мы не можем вас при- нять.

— А я ведь жаловаться буду!

— Ваше право.

— Раз вы признаете мои права, почему же вы не хотите признать мою путевку?

— По-моему, я достаточно ясно сказал: потому что ваш профиль не подходит к на- шему санаторию.

— Вон как! Оказывается, здесь избира- ют больных по профилю! Кстати — у меня

не такой уж дурной профиль. Мне даже говорили, что именно в профиль я похожа на одну греческую богиню — не помню сейчас ее фамилии, но...

— Простите, я имею в виду профиль вашей болезни.

— Чего только человек не придумает, чтобы отказать! У болезни, видите ли, есть профиль... Короче говоря: куда вы меня помещаете?

— Никуда. Возьмите вашу путевку.

— Не возьму.

— Тогда мы перешлем ее сами.

— Только попробуйте! Вы еще не знаете, какие у меня связи... Вас за это так могут стукнуть, что не только ваши почки, а весь ваш организм очутится бог знает где! Да, да, да! Вы здесь тоже не останетесь! Это я вам обещаю! Для меня это вопрос самолюбия!

— Охотно верю. А для нас это — основной вопрос нашей работы: в санатории должны лечиться те, кто действительно болен.

— Опять двадцать пять! Неужели я должна все сначала?..

— Нисколько. Наша беседа окончена.

— Нет, это только вам так кажется, что окончена. Вы еще пожалеете, что пренебрегли моими болезнями и моей путевкой! Вы еще пожалеете!

— Да, я знаю: для вас это вопрос самолюбия... Попрошу следующего!

Вставая, сердитая гражданка ногой отталкивает кресло метра на четыре и напролом идет к двери, чуть не опрокинув

больного, который спешит подойти к врачу. Лицо ее пылает от ярости, губы шепчут что-то непонятное, но, очевидно, очень грозное, и все вокруг сторонятся, чтобы не попасть под этот разъяренный танк...

РЯД ВОЛШЕБНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ...

Ряд волшебных изменений
Милого лица...

А. Фет

дравствуйте, товарищ предфабкома!

— А-а!.. Строитель! Прошу, прошу! Что скажете? Скоро вы нас будете вселять?

— Вот я по данному вопросу как раз и пришел... В отношении корпуса номер семь...

— Дааа... давно бы уж пора вам закончить с этим корпусом...

— А я — про что? Именно в таком смысле и хочу вас информировать, что давайте же, вселяйтесь в этот пресловутый корпус!

— Хорошее дело — «вселяйтесь»! Будто это от нас зависит... Мы же с вами на той неделе ходили по всем подъездам... Там еще — работы и работы!

— Мммм... нине совсем так, товарищ председатель фабкома...

— Вы — что? — поднажали за эту неделю, — да?

— Ну, и поднажали, безусловно, и потом, вообще... А что, собственно, вас так тревожит в этом седьмом корпусе?

— Здрассте! Мы же говорили в тот раз: и водопровод еще не подключен даже...

— Сегодня — не подключен, завтра подключим. Это — не принципиальный момент. Главное — что? — здание крепко стоит на своем фундаменте. Отделка заканчивается. Те же там фундамент, крыша, переборки, межэтажные перекрытия имеются... Значит, можно — что? — вселяться с богом, как говорили в старину!

— Пожалуй, в старину в такой незаконченный дом никогда не вселялись бы. На той неделе там даже перил еще не было на лестницах. Теперь-то хоть появились?

— Кто? Перила? Ей-богу, это не принципиальный момент. Сегодня, допустим, — нет, а завтра появятся. Тут надо вот о чем думать: если мы с вами составим такое соглашение, что-де фабричный комитет считает, в основном, работу по возведению седьмого корпуса законченной...

— Как же — законченной?!

— В основном, в основном! — я говорю... Подписываем мы с вами такое соглашение, и тогда нам не страшны бюрократы из архитектурного управления, которые, безусловно, будут рады придраться к любому пустяку...

— Вы знаете? А мы как-то не боимся этих, как вы их называете, «бюрократов»...

— Товарищ председатель! Как же вам не совестно?! Мы с вами работаем вот уже третий год...

— Да, затянулась ваша работа...

— «Наша» — вы говорите?

— Нет, — ваша. Вам давно бы пора уже сдать корпус.

— А я о чем? Исключительно о том, чтобы как можно скорее отдать вам все сорок пять квартирок, как миленькие...

— Какие же они «миленькие», если они не достроены еще?

— Это не принципиальный момент. Чего вам там не хватает?

— Опять двадцать пять! Вон вы сами признались, что вода еще не подключена. Газу нет. Отопление, наверное, не опробовано...

— Ну, не опробовано. И что? Долго ли его опробовать? Затопил котел — и пожалуйста...

— Да, затопил котел, а где-нибудь прорвет систему... водою зальет...

— На вас не угодишь, товарищ предфабкома: то вам не нравится, что воды нет, а то вы недовольны, что вода прольется... Не принципиально как-то получается.

— Зато у вас, я вижу, очень принципиально.

— Факт. А как же?!

— Да, и принцип у вас такой: сбыть с рук недостроенное здание.

— Ну, зачем же так резко?.. У нас с вами — товарищеская беседа: я вам — свое мнение, вы мне — свое...

— А мое мнение, между прочим, такое: мы наших людей в дом, где нет еще элементарных условий, вселять не станем...

— Обидно даже слушать, товарищ председатель! Кто вам предлагает «без элементарных условий»?! Третий, я говорю, год не

покладая рук бьюсь вот лично я над строительством того же корпуса номер семь, и хоть бы кто-нибудь спасибо сказал мне за мою работу, которая.. при которой... в которой...

— Напрасно упрекаете нас в неблагодарности, товарищ прораб. У нас есть решение выделить лично вам квартиру именно в этом седьмом корпусе.

— А?

— Я гворю: хотим премировать вас квартирой.

— Нет, серьезно?!

— Помилуйте, что за шутки... Наметили на последнем заседании... ну, конечно, от вас потребуется заявление — дескать, прошу мне предоставить и так далее...

— Чувствительно тронут и благодарен, если так. Безусловно, за заявлением дело не станет. В седьмом корпусе вы мне хотите?..

— Да. А вы возражаете?

— Боже упаси! Как тут можно возражать? Корпус-то я знаю как свои пять пальцев, слава богу, сам строил, хе-хе-хе... Вернее: сам строю. Вот так.

— Значит, когда же мы будем его принимать — седьмой корпус?

— Мммм... как вам сказать... Пожалуй, вы меня убедили, товарищ предфабкома: торопиться здесь ни к чему. Лучше еще немного обождем, зато получим настоящее человеческое жилище, так сказать. Без этих пошлых недоделок.

— Вы так считаете?

— А как же? Ведь на сегодняшний день — смешно сказать! — в этом пресло-

вutom корпусе даже ванн нету. Ну, куда это годится? Никуда не годится! Что же — наши люди, которые будут вселяться в квартиры, они что — недостойны иметь условия для личной гигиены? Вполне достойны! И осуждения достойны те, с позволения, руководители стройки, которые норовят всучить заказчикам полуготовое здание!

— Это — вы про кого?

— А? В данном случае я — про наших субподрядчиков: трест «Сантехмонтаж». Обещают, понимаете ли, каждый день завести ванны и те же раковины, а сами в ус не дуют!

— Ну, ванны-то можно и потом поставить... Люди очень уж нуждаются в площади. Пускай переедут без ванн, а потом...

— Ох, не знаете вы этих типов — наших субподрядчиков... «Потом» они вообще палец о палец не ударят. Да! Там еще даже водосточных труб нет. Первый дождь вызовет потоки грязной воды с крыши прямо — в окна квартир...

— Почему вы говорите «грязной»?

— Да потому что краска-то с крыши сразу начнет слезать. И только ли — с крыши?.. Нет, нет, мы лучше с вами вот что: пройдем еще разок по всему зданию и установим, чего еще нет, какие такие имеются недоделки... А также насчет мусора надо принять меры!

— Насчет какого мусора?

— А перед домом строительный мусор. Гора! Монблан! Казбек! Более того — целый горный хребет типа Гималаи... Там не только что жильцы, а сам черт ногу сло-

мит... И вы предлагаете такой дом сдавать в эксплуатацию!.. Непринципиально это!..

— Я предлагаю? По-моему, это вы толковали насчет сдачи...

— Хе-хе... уж и пошутить нельзя... Дай, думаю, проверю: насколько у нас председатель фабкома — стойкий товарищ... Так разрешите мне написать вам заявление — в отношении квартиры для лично меня?

— А чего ж? Так прямо и пишете: «Прошу мне предоставить квартиру в корпусе номер...» Ой, погодите, я что-то напутала: у нас была наметка вам выделить жилплощадь не в седьмом, а — в следующем, в восьмом...

— А?

— Я говорю: в восьмом корпусе получите.

— Позвольте! Восьмой корпус еще не начинали даже строить!

— Дааа, затянули вы с седьмым...

— Восьмой корпус — он при наших темпах раньше чем через три года и нельзя даже ожидать, что будет готов!..

— А это уже всецело в ваших руках, товарищ прораб. Стройте быстрее.

— А? Да, да, конечно... Но если мы перекинем на восьмой корпус и рабочих и лимиты, тогда... Ага. Кхм. Да. Вот именно!

— Что — «вот именно»?

— Вот именно, говорю, выходит, я — абсолютно прав. Я не зря вас просил поскорее принять этот пресловутый седьмой корпус, который нас вяжет по рукам и по ногам!

— Позвольте! Только что вы убеждали

меня в том, что седьмой корпус имеет еще ряд недоделок...

— Когда?.. Ах, сейчас вот... Это я тово... погорячился немного. Ну, что это за недоделки, если там с водой небольшая неувязка или подходы к дому не так красивы, как хотелось бы отдельным чистоплюям и привередникам?.. Не нравится тебе мусор, сделай воскресник и расчисти площадку. А как же?

— И вы согласны тоже принять участие в воскреснике?

— А при чем здесь я?

— Ну, допустим, вас вселили бы в такой дом, который...

— Да скажите мне за-ради бога: дадут мне квартиру в седьмом корпусе или нет?!

— А что это меняет?

— То есть как — «что»?! Как — «что»?! Если я буду жить там... Кхм... да... нет, все-таки надо как-то сперва достроить этот корпус, а потом пускать жильцов...

— А если — без вас?

— И очень даже просто: сейчас подпишем актик, и заселяйте себе на здоровье!..

— Понятно. Без вас можно заселять. А если, к примеру, вам дадут квартиру, тогда...

— Что это у вас за примеры такие мучительные?! Я хочу знать раз и навсегда: на что я могу рассчитывать?!

— Ну, это я могу вам сказать. Вы можете рассчитывать на взыскание.

— Как?

— Взыскание, говорю, — вот на что вы можете рассчитывать.

— Это еще за что?

— А за то, что затянули со сроками постройки — это раз. И за то, что хотите сдать корпус в недоделанном виде, — два.

— Ага. Ага. Так. Понимаю. Ага. А в смысле квартирки — это было, так сказать, пустым посулом — правда? Не принципиально, знаете, как-то...

— Нет, почему?.. Было бы за что, дали бы и квартиру. А теперь — сами посудите: за что же вам давать? — если подходить именно — с принципиальной точки зрения...

— Ага. Ага. Так. Отчасти — да... Ну, что же, прощения просим, товарищ предфабкома. Извините, если что не так...

— Думаю, не извиним.

— Как вы сказали?

— Я сказала: не извиним ни задержку, ни — недоделки. Так и знайте, товарищ про- раб. До свидания.

— (Вздых.) Ох, до свидания... Уж теперь постараюсь поскорее с вами свидеться.

— Только — на очищенной площадке и в доме без недоделок!

— Это-то я понял... Это — само собою...

— Что и требовалось доказать.

толик для дежурной сестры в медицинском учреждении. За столиком и сидит эта сестра в белом халате и белой косынке. Она одна в комнате, зевает, скучает и от скуки сама с собою разговаривает:

— Господи, тоска-то какая... уа-а-а-а-а... Хоть бы где-нибудь кто-нибудь взбесился... уа-а-а-а-а... Может, укусили бы кого-нибууууа-а-а-а... Может, тогда и к нам кто-нибуаааа... а-а-а... пришел... Ведь вон подруга моя — Дуся Агапкина как хорошо устроилась... уаааа... Тоже сестрой, при одном вытрезвителе... Так туда каждую минуту пьяных привозят... Один пьяный — так ругается, другой — этак... третий дерется, четвертого — тошнит... прямо как в театре!.. А у нас пока кого-нибууууаа... укусят, прямо засохнееешь!

И снова она зевает. А через некоторое время входит посетитель.

— Здравствуйте, товарищ сестра! — вежливо говорит он.

— Здруааааа...

— Вот у меня к вам, понимаете ли, какой есть вопрос...

— Куаааааакой еще?.. уаааааа...

— Да прямо совестно говорить... был я вчера в гостях...

— Нуаааа?..

— А там у них щеночек есть. Некто Бобик...

— Так что же он вас — укусиинииаааа?

— Да. А как вы догадались, товарищ сестра?

— Так ясно: раз вы к нам приишлиииааа...

— Нет, он весь, знаете ли, вот такой: сантиметров десять — двенадцать... Ну, что он мог укусить?.. А жена меня из дома выгнала. Говорит: «Без прививки не возвращайся; я через тебя беситься не желаю!» Это у вас надо прививать?

— У нас... давайте заполним форму номер двадцать восемь...

И сестра вынимает лист бумаги длиной в полотенце.

— Товарищ сестра, это все писать, так я же на работу опоздаю!

Но сестра говорит железным официальным голосом:

— Укушенный, подойдите поближе.

— Как вы меня назвали?!

— Укушенный. А кто вы теперь? Только он. Ваша фамилия, укушенный?

— Нда... ну, пишите: Бобков.

— А укусил вас кто?

— Бобик.

— Вы — что же? — с ним родственники или однофамильцы?

— Так я ведь — человек, товарищ сестра!

— Я сама вижу: кто — человек, а кто уже нет. Где вы работаете, укушенный?

— Я — не укушенный! Я — инженер!

— Я спрашиваю: где вы работаете, укушенный инженер?

— В конторе «Химкокс».

— Как вы сказали?

— «Химкокс».

— Какой еще «кокс»?

— Хим.

— Какой «хим»?

— Кокс.

— Укушенный, вы понимаете, что вы лаете?!

— Я-то понимаю, а вы?

— Я ни одного слова не могу разобрать!..

— Так чего же вы все пишете?!

— Не ваше дело. Отвечайте на вопросы: вас до этого когда-нибудь кусали?

— Допустим — кусали!

— Кто персонально вас кусал?

— Персонально клопы меня кусали.

— Я вас спрашиваю: млекопитающая тварь вас до сих пор кусала?

— Млекопитающая до этого случая не кусала.

— Почему она вас не кусала?

— Наверное, невкусный я... неаппетитный...

— Так... Сестры у вас есть?

— Нету.

— Братья?

— Нету.

— Их кусали когда-нибудь?

— Аааа! Как же их могли кусать, когда их нет?!!

— Укушенный, если вы будете кричать, я вызову санитаров — и вам свяжут руки и ноги. Отвечайте только на вопросы. Какое животное вас укусило?

— Так я же вам сказал: щенок!

— Официально мы такого животного не знаем.

— Ну, собачий ребенок!

— Что это еще значит — «собачий ребенок»?

— Ну, сукин сын!..

— Укушенный, у нас нельзя говорить неприличные слова!

— Ну — собака!!

— Так и говорите, что — собака...

— А я тебе так и говорю: со-ба-ка!!!

— Самец или самка?

— Ух!.. Кобель!

— Укушенный, я вас предупреждала: у нас нельзя говорить неприличные сло...

— Сама ты укушенная!!!

— Нет, я здесь три года служу, и еще ни разу не укушенная!

— Ну, значит, сейчас будешь три раза укушенная!!!

Посетитель бросается на сестру. Из рта у него идет пена. Сестра убегает, крича:

— Батюшки!.. Уже взбесился!.. Да как скоро!..

Сестра скрылась. А посетитель сломал и уничтожил все, что можно сломать в комнате; выпил чернила; перегрыз зубами ножку у стола и ушел...

Сестра осторожно выглянула и сказала:

— Так и есть: убежал!.. Он теперь наде-
ляет делов в городе!.. Вот увидите: человек
сорок перекусает... Надо принять меры!..
Алло, алло! «Скорая помощь»? Слушайте,
вы учтите: у нас один бешеный вырвался...
Конечно, — не в себе... прямо пена пошла...
лает... Кусается, безусловно! А как же? Нет,
меня лично он не сумел тяпнуть: ведь мы —
медицинский персонал, мы умеем с ними об-
раца... обраца... ща... А-а-а-а-а!.. Слушай-
те, он возвращается!.. А-а-а-а-а!!!

САТИРИЧЕСКИЕ МИНИАТЮРЫ

НЕПРОБИВАЕМАЯ БРОНЯ

столу, где сидел консультант по вопросам топлива, подошел посетитель и спросил:

— Вы не можете мне сказать, сколько нужно дров, чтобы отопить одну комнату?

Консультант насупил брови и ответил уклончиво:

— Смотря какая площадь.

— Ну, четырнадцать метров.

Квадратных, разумеется.

— Смотря — какая высота.

— Три с половиной метра.

— Смотря сколько окон.

— Одно окно.

— Смотря — какой этаж.

— Второй этаж.

— Смотря какой дом: каменный или деревянный?

— Дом каменный.

— Смотря сколько наружных стен в комнате.

— Одна наружная стена.

— Смотря какая печь.

— Обыкновенная голландка...

— Смотря — сколько раз в день топить.

— Один раз в день.

— Смотря — какие дрова.

- Березовые дрова.
- Смотря — сухие или сырые.
- Сухие дрова.
- Так. Все ясно.

— Да? Ну, тогда скажите: сколько же нужно будет дров?

Консультант сделал эффектную паузу, а затем изрек:

- Смотря — какая зима.

ПОКЛОННИК АВИАЦИИ

— Нет, я скажу так: лучше всего у нас работает Гражданская авиация. Вот где — чистота, порядок, внимательность, обслуживание, знаете ли, первый сорт... Просто не нарадуешься, когда к ним попадешь!

- А много вам приходилось летать?

— Никуда я сроду не летал.

— Так почему же вы говорите, что именно Гражданская авиация отличается...

— Боже мой! Я же из ресторана при Внуковском аэродроме буквально не вылезаю!.. Другой раз приедешь поздно, в городе уже все закрыто, а там — пожалуйста: белые скатерти, кухня еще работает. Ассортимент бутылочек и вообще — меню... Сядешь за столик, — уходить не хочется: так и остался бы здесь навсегда!.. Дааа, воздушный флот — великое дело!..

НАШЕЛСЯ

Некогда они были друзьями. Потом расстались надолго. А когда встретились лет через двенадцать, то все связи между ними были оборваны. И разговаривать им, в сущ-

ности, было не о чем. Но и молчать — как-то неудобно... Вот они стояли друг против друга и тужились, придумывая: о чем бы потолковать?..

Один из них придумал. Он начал так:

— Да, вот, значит... а скажи... хотя — нет... кхм... дааа... Да! Вот я что хотел тебя спросить: сестры-то у тебя — все еще близнецы?

ЕЙ НУЖНА СПРАВКА

— У вас справочное бюро, не правда ли?.. Я попрошу мне сказать: где проживает один мой знакомый? — его адрес, телефон и вообще... Пять копеек стоит? Пожалуйста! Если вы его найдете, я вообще согласна приплатить, сколько угодно... Что? Ну, не надо, не берите... Разве я — о том? Мне, знаете ли, необходимо разыскать его во что бы то ни стало... Фамилия? Вот фамилии я, к сожалению, точно не знаю. Кажется, что-то вроде — Симаков, Сорняков... в общем — на букву «Ш»... или «П»... Такой интересный блондин высокого роста... Чуть-чуть начал лысеть, но это не имеет значения: все равно он выглядит очень молодо. Зовут — не то Сергей Андреевич, не то Сергей Алексеевич. Я лично с ним встрети-лась у неких Буковых... Может, слышали? Прекрасные люди: сам работает где-то по линии снабжения, она — занимается маникюром, но не систематически, не служит, а больше так, для того, чтобы иметь цель в жизни... А в тот раз прихожу к ним, меня знакомят с Сергеем Андреевичем... да, он скорее все-таки Андреевич, чем Алексе-

вич... И он мне сразу так понравился. Конечно, надо было бы узнать про него у Буковой, но ведь это пойдут сплетни, разговоры... Лучше уж вы мне достаньте адресок. А если у него есть телефон, я вас отблагодарю по-настоящему. Будьте спокойны! Что? Отказываетесь? Я так и знала. Вообще, у нас с обслуживанием еще ой-ой-ой как неважно!..

ПРЯМОДУШНЫЙ ОРАТОР

— Товарищи! Я должен здесь сказать со всей прямоотой, что вопрос о том, кто виноват в том, что у нас имеются те недочеты, недостатки, недохватки и недоглядки, о которых говорили предыдущие товарищи, действительно заслуживает на сегодняшний день, как никогда, серьезного внимания. Давайте разберемся, товарищи! Кто же, в самом деле, несет ответственность за те недочеты, недостатки, недохватки и недоглядки, о которых говорили предыдущие товарищи? Я должен здесь сказать со всей прямоотой, что приходится согласиться и ни в коем случае нельзя отрицать, что на сегодняшний день, как никогда, те недочеты, недостатки, недоглядки и недохватки, о которых говорили предыдущие товарищи, не могут не привлечь нашего внимания и не заставить нас сказать об этом со всей прямоотой.

Идем дальше. Виноват ли наш директор в том, что у нас имеются те недочеты, недохватки, недостатки и недоглядки, о которых говорили предыдущие товарищи? Я должен сказать здесь со всей прямоотой, что вопрос о том, виноват ли наш директор в том, что у

нас имеются недочеты, недостатки, недоглядки и недохватки, о которых говорили предыдущие товарищи, на сегодняшний день, как никогда, является тем вопросом, о котором все мы, выступающие здесь, должны сказать со всей прямоотой.

Идем дальше. Может быть, некоторые товарищи считают, что я говорю чересчур резко, но я должен сказать со всей прямоотой...

(Ему бросили записку. Он поднял ее, развернул и прочел про себя.)

Тут написано: «Скажи про себя!» Хорошо, я скажу.

Товарищи! Виноват ли я в том, что у нас имеются те недочеты, недоглядки, недостатки и недохватки, о которых говорили предыдущие товарищи? Давайте разберемся, товарищи! Я должен здесь сказать со всей прямоотой, что вопрос о том, виноват ли я в том, что у нас имеются недочеты, недохватки, недостатки и недоглядки, о которых говорили предыдущие товарищи, на сегодняшний день, как никогда, заставляет нас сказать со всей прямоотой о личной ответственности каждого из нас за те недочеты, недостатки, недохватки и недоглядки, о которых говорили предыдущие товарищи.

.....

И так далее до исчерпания времени, отпущенного ему по регламенту.

психолог

Хитрый «стрелок», просящий подаяния в вагоне пригородного поезда, остановился у дверей и сильным басом возглашает:

— Граждане! У женщин не прошу: женщины меня не поймут. Прошу исключительно у мужчин. Почему? Не на хлеб прошу, — а на сто грамм!..

Общий смех. Собрав благостыню, — «стрелок» встряхивает кепку с полученными деньгами и, уходя, изрекает:

— Спасибо, однополчане!..

КОНВЕЙЕР

Ночь. В комнате с занавешенным окном и запертой дверью сидит человек и пишет, с восторгом повторяя вслух каждое слово:

«...Гражданка Копылова неизвестно на какие средства два года подряд ездит в Сочи. Ежедневно она обедает из трех блюд. А в четверг варила даже четыре блюда, а именно: борщ, антрекот, пудинг плюс компот, который она замаскировала, как якобы подливку к пудингу...»

«...Рекомендую обратить внимание на семейство Перепелушкиных, где процветает разгул в форме ежесубботного преферанса. А расходятся сплошь и рядом глубокой ночью, заставляя соседей просыпаться и выходить для наблюдения и подозрения в подъезд на босу ногу, с опасностью простудиться. Лично я, например, получил исключительно через этих Перепелушкиных один грипп и четыре насморка...»

«...А одеты все Курнышкины не по средствам роскошно. Даже новорожденному младенцу купили желтое стеганое одеяло. Я лично пытался выяснить, откуда взялись

средства на одеяло, но не получил от младенца вразумительного ответа...»

«...Состоящий у вас на учете член профсоюза Сидорчук В. А. совершенно не ведет воспитательной работы среди имеющейся у него кошки по кличке Маруська, следствием чего является неприглядный моральный облик вышеозначенной Маруськи. Зарвавшаяся кошка дошла до того, что третьего октября сего года, воспользовавшись тем, что я вышел из комнаты, прыгнула на клетку, где постоянно проживает моя канарейка по имени Жульетта. Несчастную Жульетту спасло лишь то, что я вернулся и сдернул кошку гражданина Сидорчука с решетки, ограждавшей мою желтоперую певунью...»

В ПРАЧЕЧНОЙ

— Вот моя квитанция. Попрошу выдать мне белье, я тороплюсь на поезд. Готово?

— 777/2197... Готово, готово, сейчас...

— Нельзя ли поскорее? Я опаздываю на поезд...

— Несу. Чего вы зря волнуетесь?..

— Я сдавала одну простыню и две женских рубашки.

— Знаю. Вот они...

— Позвольте!.. Какая же это простыня? Это — носовые платки...

— Теперь — да, платки.

— А где же моя простыня?

— А из чего мы получили платки?.. Видите: восемнадцать штук платочков...

— На что мне — платочки?!

— Ну, считайте, что это салфетки...

— Зачем же вы растерзали мою простыню?!

— Она сама, если хотите знать, растерзалась.

— А почему она у меня не терзалась?

— А про химию вы забыли? Ну, стираем мы, слава богу, не по старинке, не как бабушка с дедушкой... Стираем научно. На основе химии.

— Не нужна мне ваша химия, верните мне простыню!

— Можете проверить: метраж весь целый. Как она была у вас два метра на метр с четвертью, так и осталась.

— Да что с вами говорить... Отдайте хотя бы мои рубашки.

— Вот они. Две штуки согласно квитанции...

— Это же солдатское белье! Бязь.

— Солдаты вообще, знаете ли, любят носить бязь.

— А я сдавала вам дамское белье — трикотажное.

— Да ну?

— Поглядите на квитанции!

— Сейчас поглядим... Да, рубашки женские, две. А может, вы тоже любите носить бязь?..

— Что вы говорите, ну что вы говорите?! Отдайте мои рубашки!

— Слушайте, а вы на поезд не опаздываете?

— Это вас не касается!

— Как — не касается? Мы стараемся обслуживать клиентов как можно лучше.

— Я вижу, как вы обслуживаете!.. Про-

стыню разодрали, рубашки подменили...

— Чудак-человек!.. Что значит «подменили»? Разве мы ваши рубашки трикотажные оставили себе? Тоже ведь отдали кому-то... Допустим, тому, кто принес эти бязевые... Представляете, какая у него радость: пришел домой, развернул, там две прекрасные трикотажные рубашки... Жена в каком восторге у него будет!..

— Я... вы... да как это... я... Ах!

— Говорил я нашему управляющему: не надо брать в стирку дамское белье! Такой слабонервный народ. Каждый день обмороки, истерики, припадки...

TRASTI

СПИХОТЕХНИКА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

(Лекция)

орогие товарищи слушатели, я не являюсь доктором или кандидатом наук, ибо из-за косности наших научных деятелей еще не созданы кафедры такой серьезной дисциплины, как спихотехника. Но я обладаю гигантским опытом в названной области, ибо я сам более четверти века на практике занимался этим трудным и сложным искусством. Да, да, спихотехника, подобно медицине и архитектуре, являет собою органический сплав чисто технических данных, сведений, приемов и так далее — то есть элементов научных — с искусством — то есть с индивидуальным умением данного человека пользоваться всеми средствами уклонения как от самой работы, так и от ответственности за нее, какие созданы современной цивилизацией. Самый термин, определяющий нашу дисциплину, установлен недавно, и, к сожалению, точно неизвестно: кто является автором этого смюкого определения. Нет, однако, сомнения в том, что безымянный автор такого точного и

выразительного названия был незаурядным мыслителем и, надо думать, практиком нашего искусства.

Не стану излагать здесь историю спихотехники. Отмечу только, что древние китайцы, египтяне и греки, латиняне и ассириававилоняне, арабы и ацтеки были знакомы со спихотехникой. В Библии, а также в мифах многих народов встречаются эпизоды, прямо относящиеся к этому делу. А что такое история дипломатии, как не спихотехника на девяносто процентов?

Но, разумеется, особое развитие сие искусство получило в наши дни. Смею говорить так, ибо на себе лично я ощутил всю силу развития этого дела. Да, я не только занимался практически спихотехникой, но и сам лично являюсь ее жертвой: меня уволили с последнего места работы именно в порядке списания «на другое лицо» ошибок и недосмотров третьих лиц. Когда моему начальству предъявили ряд обвинений, было решено сделать меня одного ответственным за все неудачи, просчеты и так далее. То есть был проявлен — что? — акт спихотехники в чистейшем виде. И при увольнении характеристика на меня написана такая, что теперь я принужден читать лекции, главным образом потому, что на работу постоянную, штатную меня уже не берут нигде...

Но прежде всего нам надо уяснить себе до конца: что означает самый термин спихотехника? Думаю, всем ясно, что речь идет о том, чтобы научиться спихивать на других

работу, обязанности, ответственность, решения или заключения, которые должны бы, по сути дела и по распределению функций среди сотрудников данной организации, лечь на ваши плечи. Конечно, чтобы осуществить такое уклонение от своих обязанностей — то есть спихнуть их, — нужна определенная техническая подготовленность. Отсюда и название нашего искусства.

Обладая большим запасом времени при моем вынужденном досуге, я получил возможность обобщить и свой опыт, и высказывания друзей и, так сказать, соратников на нашем поприще. Я продумал многое, изучил и вспомнил многое и со всею ответственностью могу вам доложить, что в основе спихотехники лежат следующие причины:

а) Прежде всего — лень; работник, вступивший на стезю спихотехники, часто руководствуется соображением таким: «Зачем мне работать, когда можно не работать или работать совсем мало?» И тогда возникает спихотехника...

б) Часто, однако, в основе уклонения от работы лежит не лень, а нежелание нести впоследствии ответственность за содеянное при исполнении служебных обязанностей.

в) Бывает иногда и так, что работник вступает на путь спихотехники, ибо знает, что его начальство не любит ответственности, а следовательно, будет приветствовать спихотехнические мероприятия своих подчиненных.

По форме и по приемам самая спихотехника делится на три вида: 1. Спихотехника письменная — то есть прибегающая к деловой переписке для достижения своей цели — уклонения от работы и ответственности за нее. 2. Спихотехника устная, выражающаяся в непосредственных беседах с людьми или телефонных переговорах. 3. Спихотехника смешанного типа: письменно-устная. Рассмотрим все три вида нашего искусства подробно.

1. СПИХОТЕХНИКА ПИСЬМЕННАЯ

Начинается она чисто негативно: работник просто не отвечает на запросы, отношения, анкеты, ведомости, сметы и прочий материал, который ему доставляют почта и посетители. Этот способ известен уже давно и применяется в наши дни достаточно широко.

Разумеется, цели, поставленной перед спихотехнически настроенными товарищами, путем подобного молчания оный товарищ достигнет легко и наименее трудоемко: чтобы не отвечать, никаких усилий делать не надо. Иные спихотехники даже не дают себе труда читать бумаги, которые пришли к ним на письменный стол...

Но, увы! — этот покой не всегда достигим. Приходится все же отвечать на письма достаточно часто, ибо беспокойные корреспонденты почему-то всегда рассчитывают не только на письменный или устный ответ, но даже и на решение проблем, кои выдвинуты

в их посланиях. Во избежание неприятностей часто приходится сочинять ответы. Но — какие? Теория спихотехники учит нас, что наиболее удачный ответ такой, после которого больше запросов и вообще продолжения переписки не воспоследует.

Трудно и даже не всегда возможно сочинить такую исчерпывающую бумагу, но к сему следует стремиться постоянно. В этом смысле идеалом является отклик некоего районного деятеля, который был приведен на странице журнала «Крокодил». Сей деятель написал в ответ на запрос: «Гражданин Перхушков, о коем вы запрашиваете, умер, куда Вам и надлежит обратиться». Несущественно, что слова «куда Вам и надлежит обратиться» были напечатаны типографским способом на бланке. Важно, что поминаемый нами спихотехник посмел воспользоваться печатным бланком для подобного ответа!.. Нельзя также не отметить глубокий внутренний смысл цитированных строк.

В самом деле: если запрашивающий товарищ последует преподанному совету и воистину умрет, то он уже никогда не будет тревожить своими письмами. Но нельзя и не восхититься тем, в какую изящную форму облек наш спихотехник старинное присловье: «Чтоб ты сдох!»

Спихотехники часто прибегают к ответу: «Планом на текущий (или предстоящий) год не предусмотрено». Что не предусмотрено? А что хотите. Вернее: именно то, что просят запрашивающие товарищи. Убедительно и

авторитетно! И многие удовлетворяются таким откликом.

А кто станет все-таки возражать, тому надлежит ответить так: «Пришлите ваши материалы, мы их рассмотрим». Нет, конечно, рассматривать не надо, но держать материалы у себя в столе можно полгода или год — словом, столько времени, сколько вытерпят посланные материалы товарищи.

А уж если попадутся столь дотошные люди, что не отстанут и при длительном молчании, тогда надо находить решение индивидуальное. Например: откуда-то пишут о том, что отсутствие деталей срывает производственный план. Этими деталями должны бы снабжать вы. А деталей нет или — лень их искать. Как тут быть?

Рекомендуем отвечать так: «Задержка зависит не от нас, а от вышестоящей инстанции, которую мы давно запросили, а она молчит — такая уж нехорошая инстанция нам попалась».

А можно вводить мотивировки технического характера. Например: «В ответ на Ваш запрос номер... от такого-то числа сообщаем, что малогабаритные шпунтики, получения которых Вы добиваетесь, в прошлом выпускались с применением импортного скипидара, а на текущий год этот сорт скипидара из-за границы более не ввозится, почему мы лишены возможности занарядить и отгрузить Вам указанную деталь».

Нужды нет, что никакого импортного скипидара не существует и вообще для про-

изводства шпунтиков скипидар не требуется.

Или — еще так:

«Извещаем, что мы не имеем возможности создать для Вас киоск по продаже елочных украшений, ибо конструкция Котлонадзора запрещает на территории Вашего предприятия создавать крупные скопления папье-маше и дутого стекла».

Каждому ясно: Котлонадзор к киоскам, папье-маше и стеклу отношения не имеет. Но ведь товарищам, добивающимся открытия киоска, теперь надо опровергать такую точку зрения! А на сие нужно время, причем — период значительно больший, нежели сама недолговечная надобность в киоске...

Как видно из приведенных образцов, обладающему творческой фантазией и инициативой виртуозу-спихотехнику предоставляются большие возможности изобретать причины, в силу которых он отказывает своим корреспондентам в их законных и разумных запросах, требованиях...

Однако необходимо особо выделить ту переписку, которую заядлому спихотехнику иной раз приходится вести с органами печати. Независимо от того, была ли уже помещена на странице газеты или журнала заметка (статья, фельетон, стихи, карикатура) о волоките или безделии спихотехника или только еще пришла бумага из редакции с просьбой ответить, разобраться, решить и т. д., — отклик в редакцию должен быть

совсем другим, нежели приведенные выше. В переписке с органами печати толковый спихотехник применяет более сложную тактику: он немедленно признает за собою не только те вины и недосмотры, в каких его упрекает редакция, но и, забегая вперед, сам дополняет список собственных оплошностей. И знаете ли? — очень многим спихотехникам удавалось избежать взысканий и оргвыводов в отношении себя подобным путем. Вот — пример письма в редакцию после фельетона:

«К нашему глубокому огорчению, мы должны признать, что факты, изложенные в фельетоне «Вот это — да!» в номере Вашей газеты от такого-то числа, целиком и полностью соответствуют действительности. Именно по вине нашей организации в поселке Перетертый доселе не существует минимального обслуживания населения, не замощены улицы и не принимаются никаких мер против луж и мусорных куч, возникающих там и сям.

Более того: мы не сумели организовать приличную погоду для данного поселка, вследствие чего лужи и канавы систематически увеличиваются и пополняются водою и жидкой грязью под влиянием непрерывных дождей.

Настоящим заверяем Вас, что в ближайшее время мы постараемся добиться сухой и недождливой погоды, которая, несомненно, уничтожит безнадзорные и самопроизвольно возникающие водоемы и грязеемы на территории поселка Перетертого. Далее мы даем обязательство в двухнедельный срок на ме-

сте ликвидированных нами куч мусора построить и открыть:

а) кафе-мороженое на сто сорок посадочных мест;

б) планетарий с демонстрационным аппаратом «звездное небо»;

в) комбинат бытового обслуживания, в котором будет производиться утюжка шляп, растяжка обуви, валяние валенок, пошив брезентовых и хлорвиниловых плащей, маникюр, бритье, стрижка, мытье головы, окраска и химическая завивка женских волос на год, а также ряд операций по ремонту и очистке платья, головных уборов и обуви.

Дополнительно берем на себя обязательство до конца текущего бюджетного года открыть в сельских местностях нашей области еще 18 (восемнадцать) таких комбинатов».

Возникает вопрос: а как можно будет впоследствии выпутаться из того положения, в которое ставят себя авторы письма в редакцию? Разве можно в двухнедельный срок совершить все то, что предусмотрено подобными обязательствами?

Ну, во-первых, — далеко не факт, что газета еще раз вернется к вопросу и станет проверять исполнение обещаний. А буде редакция все-таки надумает дать второй отклик на положение дел в поселке Перетертом и начнет проверять: имеется ли там обещанный планетарий? — то можно будет снова написать покаянное письмо и еще больше расширить намеченную программу

реформ в злополучном поселке. Иным спихотехникам удается по два-три года отделываться декларациями и признаниями вины и ошибок. И, наконец, после проявления раскаяния редакция уже легче воспримет ссылку на технические трудности (типа импортного скипидара для шпунтиков — см. выше). И так волынить можно долго, очень долго... А как правило, толковый спихотехник больше одного года не задерживается на одной и той же должности и даже — в одной и той же организации. Ну, а если ответственный за упущение товарищ больше здесь не работает, то, как говорится, и взятки гладки.

2. СПИХОТЕХНИКА УСТНАЯ

Прошли те времена, когда спихотехник мог простой грубостью или даже молчанием избавить себя от хлопот. Нет, конечно, грубости у нас еще хватает. И нежелание ответить на устный вопрос посетителя вы тоже встретите достаточно часто. Но только для спихотехники сегодня это — отнюдь не главный метод... Да, конечно, иной раз удастся так запугать посетителя нелюдимостью и даже львиным рыком в его адрес, что он сбежит.

Но все это — вчерашний день. Сегодняшний спихотехник в личном общении с теми, кто стремится заставить его принять на себя какие-то хлопоты и ответственность, действует иначе.

Хорош для искомых нами целей метод

сугубого формализма. Пример: однажды мне пришлось слушать разговор посетительницы с неким ответственным лицом.

— Прикажете снять печати с кладовой! — умоляла посетительница.

— А основание? — не подымая глаз, скучно спрашивало лицо.

— Нам же нужно взять оттуда продукты для детей, — надрывалась посетительница.

— Мне это неизвестно.

— Так вот же ходатайство. Продукты же там портятся...

— Мне это неизвестно, что портятся.

— Жарко же сейчас, лето же, лето сейчас...

— Мне это неизвестно.

— Так ведь вы сами должны чувствовать: тридцать градусов тепла нынче... Летом же всегда жарко!

— Мне это неизвестно...

Если же нет возможности отвадить посетителя впрямую, ныне принято прибегать не к грубости, а наоборот, к приветливости, обаятельности, даже — нежности. Да, да, да!

Сегодняшний спихотехник при виде посетителя, который по его — спихотехника — вине уже полгода навещает канцелярию, начинает улыбаться так, как улыбается любящая юная девушка, завидев спешащего к ней любимого юношу. Тяжело иногда пожилому работнику симулировать подобную радость, а что ж поделаешь? Как говорится: любишь кататься, люби и саночки возить.

Любишь пожинать плоды уклонения от дел, значит, терпи связанные с этим хлопоты, ибо такие издержки энергии менее трудоемки, нежели исправное соблюдение служебных обязанностей.

Я сам наблюдал, как некий почти пенсионного возраста заведующий неким сектором в некоем учреждении кокетничал с представителем периферийной организации — ну, ни дать ни взять провинциальная барышня, желающая «завлечь» равнодушного к ней кавалера... Он (завсектором) и глазами «стрелял» в посетителя, и плечиками поводил, и хлопал ладошкой по руке посетителя. И даже пытался пощекотать его под подбородком. А все из-за чего? Чтобы отговорить посетителя от намерения обжаловать волокиту по вопросу об удовлетворении заявок периферийной организации, каковая волокита произошла по его, завсектора, вине...

Но, конечно, чаще, чем приемы женского обаяния, встречаются методы обаяния чисто мужского: спихотехник усваивает себе тон незабвенного Поздрева. Он притворяется таким «рубахой-парнем», что даже рискует быть обвиненным в моральном разложении.

При виде своей жертвы — то есть человека, которому отказано в удовлетворении разумного и законного служебного требования, спихотехник начинает шуметь, словно он уже ввел в организм не менее трехсот граммов горячительного напитка. Широко размахивая руками (так, что со стола слетают бумаги и счета, чернильница и

пресс-папье, а бутылка с клеем проливает свое содержимое на большую, хорошо расчерченную и кропотливо заполненную многочисленными цифрами ведомость), новоявленный Ноздрев вопит не своим голосом:

— Кого я вижу! Кто к нам притопал! Сам Перцуленко заявился своей собственной персоной!.. Ура Перцуленке! Пламенный привет! Дай я тебя облобызаю, сукин ты кот!.. Ну, как — надолго в наши палестины? (Хотя Спихоноздрев отлично знает, что приехал Перцуленко ненадолго, и именно потому, что именно он, Ноздрев, не желает решить простой вопрос.) Небось хвостом вертанешь — и фьюить! — обратно к себе, — да? — да? — да?.. Я угадал? По твоему носу вижу, что — так!!!

И вот уже Спихоноздрев облапит приезжего, хлопает по плечам с такой силой, что Перцуленко только крикает и качается, словно тонкая рябина под напором северного ветра...

А Ноздрев не молчит. Он все время тараторит, (чтобы посетитель не начал расспросов о своем деле):

— Слушай, давай с тобой вот что: давай сейчас отправимся в одно тут злачное местечко... Там, брат, такие чебуреки подают — пальчики оближешь! Ну, и водяру с собой захватим, разумеется... Под столиком, понимаешь, незаметно разольем и тяпнем... А может, ты перешел на коньяк? Сейчас многие придерживаются этой диеты: чистый коньяк и больше ничего!.. Так у

нас и коньячок найдется!.. И не смей отказываться, это же я угощаю! Я! Понял: лично я!

Да, да, да, бывает и так, что спихотехник готов нести довольно значительные расходы из своих личных средств, лишь бы только уклониться от решения дел. Вот до чего доходит диалектика взаимоотношений человеческих! Казалось бы: разумное зерно заключается в том, что чиновник получает доход от лиц, которые заинтересованы в решении, зависящем от данного чиновника. А тут — наоборот...

Но и ласка и угощение не смягчают сути дела. Я в таких случаях всегда вспоминаю короткий разговор из комедии Островского «Горячее сердце». Дворник Силан, приведенный к городничему для допроса, покорно говорит ему: «Ну, секи меня...» А хитрый городничий отвечает так:

— Зачем сечь? Я тебя — лаской, лаской!

Эти два коротких словца «лаской, лаской!» звучали и звучат, словно свист розги, опускающейся на тело несчастного дворника. Так и «ласка» спихотехника: от нее делается не по себе человеку...

3. СПИХОТЕХНИКА ПИСЬМЕННО-УСТНАЯ

Основная трудность этого типа спихотехники — переход от переписки к личному общению с жертвами данной операции. В самом деле: если еще можно перейти от сухо-

го и даже злобного текста бумаг, направляемых в ответ на законные требования с мест, к веселому амигошонству личных отношений с теми же самыми лицами, — то обратный переход крайне затруднителен. После обращения на «ты», поцелуев враскос и даже совместных вылазок в забегаловки не так-то просто писать обласканному (пускай фальшиво и в коварных целях): «Ваша заявка в текущем бюджетном году рассматриваться не будет».

Однако виртуозы спихотехники и в этом случае не теряются. Они снова принимаются писать сухо и злобно. А буде бывший благоприятель опять приедет в командировку «утрясать и выбивать», хитрый уклонист ему скажет:

— Дорогулечка, меня же заставили написать эту отвратительную бюрократическую стряпню. Ты ж понимаешь: разве б я тебе такое послал?.. Но у нас ведь народ известный: чуть что, буквально сожрут! Сожрут и даже косточек не выплюнут! Это Я тебе говорю!.. А в отношении ваших заявок мы что-нибудь сделаем. Сделаем, не волнуйся... Лучше расскажи: как у тебя дома? Как жена? Теща здорова?

И так далее до тех пор, пока истомленная жертва не вернется обратно к себе в область.

И туда можно писать: «Гражданин такой-то умер, куда Вам и надлежит обратиться»...

Заканчивая свою лекцию, хочу сказать, что, несмотря на свою многовековую историю, спихотехника современная — искусство

во молодое, но очень перспективное. И далеко не все на этом поприще уже продумано, осуществлено, скомбинировано. Нас ждут еще многие сюрпризы в данной области.

Благодарю за внимание, товарищи. Прошу подписать мою путевку: я кончил.

СОВЕТЫ НЕРАДИВЫМ РАБОТНИКАМ В СФЕРЕ БЫТОВОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ

т автор а: Конечно, поощрять недостатки и проступки лиц, призванных обслуживать население, не следует. Но с другой стороны, в адрес этих людей идет такой мощный поток критики, что автор, как человек сердобольный (может быть, даже — излишне сердобольный), начал испытывать чувство жалости ко всем этим коряемым, критикуемым и несущим наказания и взыскания товарищам. Автор вполне отдает себе отчет, что его поведение в данном случае похоже на бессмертные слова недоросля Митрофанушки, который, поведав окружающим, будто ему приснилось ночью, как его матушка бьет его же батюшку, заключил таковое сообщение словами: «И так мне стало жалко...» — «Кого же ты пожалел, Митрофанушка?» — «Тебя, матушка: ты так устала, бимши батюшку!» Что ж, жалеть нерадивых работников воистину близко к позиции персонажа из комедии Фонвизина. Но разве можно умерить гуманизм, если он разгорелся в моей груди?! Вот я и решил посочувствовать работникам кухни и при-

лавка, верстака и стиральных агрегатов, химических операций и т. д. и т. п. Я подскажу всем: как надо себя вести, чтобы выпутаться из конфликта с плохо обслуженным потребителем. Благодарности со стороны работников сферы быта, а также от потребителей, которым мои советы помешали добиться нормального и разумного обслуживания, просьба направлять в отделы писем органов печати по территориальной принадлежности точек обслуживания, в коих произошли конфликты.

1. ТОЧКИ КРАТКОВРЕМЕННОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ

- (Рестораны, столовые, кафе, пельменные, пончиковые, блинные, магазины, палатки, киоски, ларьки и пр.)

В данной области, которая характеризуется тем, что посетитель (покупатель) приходит ненадолго, наиболее типичны конфликты двух типов: а) задержки в удовлетворении спроса клиента и б) дурное качество товара или услуг. Иногда, впрочем, оба эти момента сочетаются в причудливых формах.

Посмотрим, однако: что может сделать официант или продавец, чтобы отбиться от нетерпеливых требований посетителя (покупателя)?

Если жалобы подходят к пункту «а» — то есть если упреки касаются задержек во времени, то лучшая защита есть нападение. Отрицайте все, что говорит (кричит) противная сторона. Допустим, человек заявляет:

— Я у вас жду больше часа! Безобразие! Дайте жалобную книгу! — И т. д.

Отвечать надо так:

— Кто? Вы ждете час? И как только не совестно врать! Я проходил мимо этого столика мину́ту назад, а вас здесь не было! — И продолжайте без паузы: — Минутку не может обождать, псих ненормальный! И как это таких держат на свободе?!

Девяносто процентов посетителей отступят при подобной яростной атаке. И, следовательно, девяносто процентов конфликтов будут выиграны сразу. Но строптивые десять процентов продолжают свои укоры. Примерно так:

— Как вы смеете меня оскорблять?! Я буду жаловаться! Я вас...

— Ну, иди, иди, жалуйся, сумасшедший тип! Скорее иди, а то я милиционера вызову!

— Да я... да вы... Дайте жалобную книгу!

— Чтобы ты намарал там какой-нибудь бред! Да ни за что!

Может быть, покажется, что мы предлагаем чрезмерно грубые выпады. Но, к сожалению, иной раз и в действительности можно наблюдать нечто в данной манере. Но можно, конечно, и смягчить формы выражения. Существенно то, что покупатель-посетитель отступит непременно. Вопрос только во времени: наиболее деликатные товарищи убегут через три минуты после начала нападения, другие выдержат пять, десять минут... Но по истечении четверти часа победа останется за работником питания или товаропроводящей сети.

Нет сомнения, что какой-то процент обиженных товарищей будет жаловаться на грубость или даже потребует заведующего, директора, распорядителя и т. п. С этими строптивцами следует обращаться осторожно. Если работник, взявший на себя миссию перекричать потребителя, увидит, что он наравался на товарища с характером, он должен выйти из конфликта, а вместо себя прислать другого сослуживца, который обладает обаятельной улыбкой и мягким тоном. И уже сей сладкоголосый деятель пусть принимается успокаивать разгневанного и разобитого посетителя. Делается это — так:

— Что такое? Что тут случилось? А?.. Наверное, опять Степан Павлович (Мария Памфиловна, Игорь Леонидович) погорячился (лась). Беда нам с этими работничками... Прошу вас, уважаемый товарищ, не придавайте значения... Ну, с кем не бывает? Его (ее) тоже можно понять: работа у нас нервная... посетители нервные... Вот вы сами, например, разве вы за собой не знаете этих возбуждений ни с того ни с сего?.. Правильно я говорю? Я считаю, что правильно! Попрошу вас за этот столик... (К этому прилавку.) Что вы желаете получить? А про этого неврастеника вы забудьте... мы его сами накажем... когда он успокоится, конечно... Водички не хотите? У нас есть крошон, лимонад, минеральная...

Иначе надлежит действовать, если предметом спора явится самый продукт или товар, поданный (отпущенный, проданный) посетителю. Тут, в основном, три варианта: обмер или обвес, вкусовые или иные каче-

ства товара и — степень свежести. В случае, коли обнаружится один из перечисленных выше недостатков, следует вести себя в соответствии с данными недостатками.

Обмер или обвес лучше ликвидировать — то есть добавить в граммах или метрах то, что было отторгнуто у потребителя. Лучше ему добавить, нежели потом пострадать за эту ничтожную прибыль. Учтиво извиняясь, надлежит добавить утаенное с некоторым даже походом.

Исключение составляют только разбавленные спиртные напитки или соки. Если признать, что вы не долили двадцать граммов, их разумнее возратить. А сознаваться в том, что водка или фруктовый сок разбавлены, — это означает подвергнуть себя сильным ударам впоследствии. И мы советуем неполноценную водку (вино, коньяк, сок, сироп) отведать тут же самому работнику прилавка или столовой. Отведать и симулировать мгновенное охмеление: вот-де какой крепкий напиток! Подобный способ действует отлично. (В случаях алкогольных напитков, конечно.) Однако нам даже известно, что один распорядитель в ресторане симулировал опьянение на почве такой же вот принудительной дегустации апельсинового сока. А вообще при отпуске сиропов и соков лучше делать вид, будто они чересчур приторны на ваш вкус.

Последний раздел в сей главе: отпуск или продажа продуктов в испорченном состоянии. Тут решает степень протухлости. Если дело не дошло до опасной стадии, следует опровергать непригодность продукта

для употребления в пищу. Требуется смело пробовать мясо, рыбу, консервы и прочие яства и незамедлительно симулировать восторг от вкусовых качеств пригубленного продукта. А если процесс распада очень силен, лучше стать на точку зрения покупателя и даже накричать на работника столовой или магазина, который таковые продукты отпустил. И уж конечно, дегустировать не стоит...

2. ТОЧКИ ДЛИТЕЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ

(Мастерские, ателье, приемные пункты, базы проката, пароходы, поезда и т. д.)

Самая протяженность соприкосновения с потребителем диктует в отраслях этого типа иные методы общения между потребителями (заказчиками, пассажирами) и обслуживающим персоналом. Разумеется, если по ходу поезда или парохода предстоит еще и кормить пассажиров обедами, ужинами, завтраками, полдниками, то в этих процессах кормления действуют правила, указанные нами в предыдущей главе. Но в основе борьбы между заказчиками и сотрудниками швейных ателье, приемных пунктов химчистки и прачечных; между пассажирами поездов дальнего следования и пароходов с проводниками, кондукторами, и т. д. лежат специфические условия, а именно: необходимость обеим сторонам входить в соприкосновение часто и неоднократно.

Ссориться сразу, как в столовой или магазине, — нерасчетливо. Ателье хорошо тем, что можно заставить потребителя (заказчи-

ка, посетителя) приходиться бесчисленное количество раз. И тут самый вежливый тон можно обратить в издевательство. Так к чему же вульгарно поносить клиента, тратить собственные нервы?

В поезде дальнего следования или на пароходе, в сущности, пассажир отдан во власть обслуживающего персонала полностью. Койко-место и постельное белье; буфет и вагон-ресторан; наличие журналов, шахмат, домино... даже приемы использования радио — все это в руках опытного персонала превращается в средства воздействия на пассажиров. И у нас умеют донимать строптивых путешественников, не переходя формально границы вежливости. А если, например, на одно место выданы два билета? А если радиотехник страдает бессонницей и начинает свою деятельность еще до шести утра? А если любовь к чистоте овладела проводником в такой мере, что он (она) пять раз в день заставляет пассажира задирать ноги кверху, чтобы лишний раз (именно: совершенно лишний!) подмести или вымыть пол купе (каюты)?! Боже мой! Сколько возможностей таит в себе длительное «обслуживание»!..

В ателье и приемных пунктах мы знаем дополнительные варианты сражений с клиентами. Ну, игра с квитанциями — это известно всем. Сколько возможностей в нехитрых правилах приема и выписки квитанций! Требования к заказчику при заполнении квитанции, бдительное недоверие и строгая принципиальность при сем, претензии к предъявителям квитанций на всех стадиях

заказа — от первой волнующей встречи по обеим сторонам прилавка (стола, окна) до последнего свидания, когда заказчик (а чаще — заказчица, ибо женщины — народ куда более чувствительный, нежели мужчины), утирая слезы, расписывается на своей квитанции в получении испорченного навеки пиджака или блузки, пальто или брюк, — все, все в этом процессе сулит радости и утешения деятелям сферы обслуживания, ибо расстановка сил и интересов всецело на их стороне.

Нам остается только уточнить основные манеры поведения обслуживающего персонала в длительно действующих точках. Наиболее эффективным надо признать тон едкой и нескрываемой иронии. Приемщик или мастер (портной, обувщик-модельер, шляпница, трикотажный вязальщик и т. д.), официант на пароходе или в вагоне-ресторане поезда дальнего следования имеет возможность разговаривать со своими клиентами примерно вот так:

— Ай-ай-ай! Двубортного пиджачка вам захотелось!.. Скажите на милость! А однобортный нам уже не подходит... Да-да-да! Ай-ай-ай! Скажите какие мы требовательные! Какие мы—модники!.. Между прочим: ни подкладки, ни приклада у нас нет. Сами будете искать! Сами! Что? Срочно вам?.. Ай-ай-ай!.. Нетерпеливые мы какие! Да-да-да!..

Или:

— Одну минуточку! Сейчас подойду! Вы же видите: вас — много, а я — один... Не разорваться же мне из-за вас!.. Ну, что надо? Чего? Шестой день котлеты подаем?

Скажите спасибо, что хоть котлеты остались! Прошлый рейс с середины пути одной кашей кормили. То-то! Что я вам, могу родить мясо или там курей? Так чего вы напрасно нос воротите от котлет! Через три дня и котлеты кончатся! Вот что ты тогда запоешь, — я посмотрю!..

Или:

— Слушайте, перестаньте брехать, будто они вам жмут — полуботинки. Полуботинки мы пошили в самый раз. А вот ножищи у вас неизвестно от чего распухли, как у слона все равно! Ага. Да-да!

А что делать клиенту? Спрашивать жалобную книгу? Но ведь в листы этой книги ноги не обуешь, — не правда ли?.. Вот и уходит клиент, кляня тот день, когда связался с ателье... Кстати: первоначально слово «клиент» обозначало в Древнем Риме людей, которые состояли в качестве приживалов при важных патрициях. Не кажется ли вам, уважаемый читатель, что кое-где у нас пытаются вернуть этому термину его латинское значение? Клиентов стремятся обратить в бесправное и зависимое от данной точки лицо...

Закончив сей труд, автор показал его толковому товарищу, обладающему большим кругозором. И товарищ заметил:

— Уж больно мрачная картина получается, если верить тому, что вы тут подобрали...

— Помилуйте! — ответил я. — Я говорю исключительно о нерадивых работниках.

Но у нас гораздо больше радивых, чем нерадивых. А что касается моих «советов», то ведь они носят характер иронический: я трактую о том, как не надо, нельзя трудиться в данной области.

Тогда мой друг пожал плечами и сказал:

— Ваши советы не нужны ни так, ни этак. Товарищи, которых сие касается, сами знают то, о чем вы пишете. А иронии они не внемлют.

И все-таки я решил опубликовать мои советы, ибо думаю, что, может быть, кто-нибудь оценит мою иронию...

В МИРЕ
Искусств

ережу Пыпина, молодого артиста, внезапно вызвали к заведующему группой. Когда встревоженный Сергей вошел в комнатку за кулисами, где помещался письменный (некогда) столик завтруппой, владельцем стола согласовывал с бухгалтером какие-то подробности сметы. Едва кивнув артисту в ответ на его почтительное приветствие, заведующий продолжал шарить среди бумаг на столе, сверялся с цифрами в плановой ведомости и не совсем понятно бормотал:

— Нет, ты мне февральские цифры покажи... не январские, а — февральские! Февральские, я говорю!

И бухгалтер бубнил что-то свое. Так продолжалось с полчаса. Сережа Пыпин просто обливался потом от волнения: зря ведь к завтруппой не вызывают!.. Чем он провинился — Сережа? Что от него хотят? Что предъявят ко взысканию?!

Но вот бухгалтер сгреб свои бумаги и, небрежно буркнув «пока», удалился. И тут завтруппой впервые направил на Сергея ясный взор человека, который представ-

ляет себе: на что или на кого он смотрит.

— Звали, Палсаных? — глотнув слюну, беспокойно спросил артист.

Палсаных (которого, как легко догадаться, звали Павел Александрович) утвердительно кивнул головой. Жестом предложил Сереже подсесть ближе к столу. А когда Сергей опустился на шаткий венский стулик у торцовой грани стола, завтруппой сказал:

— Молодец!

— Кто — молодец?.. Я?.. За что вы меня — так, Палсаных?.. Я ведь в тот вечер ушел раньше, чем они свалили этот... ну, киоск... (Сережа имел в виду шумную вечеринку по поводу именин актера Чесальского, на которой он был; вечеринка кончилась довольно крупным дебошем; дело попало даже в милицию...)

Но завтруппой перебил:

— При чем здесь киоск? Я без иронии говорю: молодец! Начинаешь творчески расти. Образы даешь аккуратно: как получил роль, так — пожалуйста — для зрителей новый образ нашего... ну, в общем, советского человека! Этого ты хорошо сыграл — как его? — Роберта, что ли, или — Альфреда?.. Ну, в последней постановке...

— Какой же там «советский человек», Палсаных? Пьеса же — переводная. Американская пьеса. И этот Альберт, он — типичный ущербный юноша гнилого запа...

— Все равно. И гнилого хорошо сыграл. По-нашему, по-советски... И потом этого — ну, еще он умирает от аварии на строитель-

стве... Тут уже точно — наш человек! Да, Степан Васильевич тобою доволен. Дирекция даже подумывает премию тебе подкинуть, в случае, если не будет с твоей стороны нарушений дисциплины...

— Сердечно благодарю, Палсаных. И какие же — нарушения? Я стараюсь не нарушать...

— Знаем. Знаем и учитываем. Вот потому и решено оказать тебе творческое доверие, Пыпин. Решено тебе доверить одну крупную роль.

В животе у Сережи вроде как разлилось нечто теплое и приятное. Он невольно заулыбался и спросил:

— Какую роль? То есть я, безусловно, заранее благодарен, но хотелось бы, безусловно, знать...

— А никто и не собирается утаивать. Тем более скоро придется тебе играть этого... ну, который еще переживает, что его дочка сошлась с недисциплинированным элементом...

— Как — дочка?! Я же — еще молодой артист. Я играю больше этих, юношей, что ли...

— Сам знаю. Помню. И учитываю такой факт. Но когда надо выручить родной коллектив, тут уж, понимаешь, считаться с возрастными категориями ролей не приходится. Раз Мерцалов у нас болен, понимаешь, Двойницкий играет параллельно на выездном спектакле, то придется тебе выручать театр.

— Я, Палсаных, с радостью бы!.. Но как же я могу исполнять роль старика, у кото-

рого — вы сами говорите — взрослая дочь и вообще переживания... ммм... не моего возраста?!

Завтруппной строго поглядел на артиста, помолчал, а потом произнес внушительно:

— Премию получать ты можешь, не считаясь с возрастом. Так? А когда надо помочь и не допустить, чтобы отменился спектакль, то у тебя почему-то возраст вылезает на первое место, — так? Ох, Пыпин, Пыпин, смотри, как бы тебе не пришлось впоследствии жалеть, что ты — такой щепетильный в отношении этого возраста!..

— Палсаныч! Да я же... Я ведь... Я всею душою готов... Когда надо играть?

— Вот! Это уже — другое дело. Это — правильные слова. Но ты и меня пойми правильно, Пыпин: играть тебе придется завтра. Не позднее, чем завтра утром. То есть — на дневном спектакле...

— Вы шутите, Палсаныч! — воскликнул молодой артист.

— Как это — «шучу»? — сурово отозвался завтруппой. — Разве я тебя для шуток к себе пригласил? Ступай сейчас к Варваре — она ведет данный спектакль, то есть — «Взрыв в степи». Она тебе даст роль Михеича...

— Как?! — Михеича?! Такого старика?!

— А чем он там особенно стар? Ну, по пьесе ему лет семьдесят пять. Так и поболее того люди у нас живут... Условия теперь у нас резко улучшились, статистика показывает, что и свыше ста лет тянут отдельные старики и старухи...

— Но я-то, я, Палсаныч, прожил всего двадцать два года. Мне зрители и не поверят, если я стану притворяться дряхлым пенсионером...

— А ты не притворяйся. Ты дай типа. Образ покажи! Вживись в эту колоритную фигуру старого рабочего. Создай художественный, так сказать, облик...

— Когда же я его успею создать, если утром уже — спектакль?! А где — застольный период? Где — изучение подтекстов? Где предлагаемые обстоятельства, Палсаныч?

— Обстоятельства тебе предлагаются такие, Пыпин: или ты выручишь родной коллектив, или этот коллектив тебе такое пропишет, что своих не узнаешь! Понятно тебе, Пыпин? А сейчас не мешай мне работать: найди помрежа — Варвару то есть, и начинай творческое вживание в образ Михеича! Ну?!

Артист Пыпин, не спуская глаз с завтруппой, стал пятиться к дверям. Очевидно, он надеялся, что владелец кабинета в последнюю секунду весело засмеется и объявит: то была шутка. Играть роль Михеича не надо!

Но завтруппой склонился над столом, снова принялся ворошить бумаги. И бедняга актер понял: не миновать ему завтра «давать типа» в роли старика Михеича...

И вот наступил час этого искуса: занавес раздвинулся, открыв глазам зрителей декорации и всех участников спектакля. А среди них — молодой артист С. Пыпин в роли пенсионера Михеича. Михеич выглядел

вполне пристойно в своем скромном костюме из хлопчатобумажного «рубчика» черного цвета, в очках с поломанной металлической оправой, с седыми усами и в паричке, где седая же шевелюра сочеталась с проплешинами... Правда, голос был необычайно свеж для пожилого персонажа. Но главное затруднение, естественно, заключалось в том, что Михеич очень плохо помнил свой текст. Суфлер громко подавал реплики пенсионера. Настолько громко, что зрители слышали все, что надобно было произнести Михеичу, два, а то — и три раза: сперва от суфлера, который высунулся из будки до половины роста, а затем уже — от Михеича как такового. И притом суфлер-то говорил полностью, а Михеич многое скрадывал или переиначивал... Но кто же не знает этого положения вещей, когда исполнитель «ни в зуб ногою» не помнит своих слов?..

— Нет, доченька, не пара он тебе, никак не пара! — подавал свистящим громким шепотом добросовестный мастер подсказа.

— А? — переспрашивал Пыпин, приложив ладонь к уху и нагнувшись к будке.

— Я говорю: «не пара он тебе, совсем не пара»!

— Кто — не пара?

— Он! — и суфлер тыкал пальцем в сторону кулис, желая тем показать, что личности, которая — не пара, в данный момент на сцене нет.

Сереза озирался. И, не увидев там, куда направлен был перст указующий, ни одного

из своих партнеров по сцене, снова допрашивал суфлера:

— Да кто — «он-то»?! Кто кому — не пара? Мне — что ли?

— Не тебе, а дочке. Вот ей! — надрывался человек из будки. И он снова тыкал пальцем — на сей раз в одну из артисток, присутствующих на сцене.

— А-а... Вот оно что! — отзывался Пыпин — Михеич. — Теперь я понял. Да, дочка. Он тебе — не пара. — И тут же обращался к суфлеру со следующим вопросом: — Слушай, Андрей, а я ей — пара?

— Ты же ей — отец! — рявкал суфлер. — Отец! Понимаешь?! Папа ты ей! Родитель, одним словом!

— Да, ты мой горячо любимый папа, — вступала в диалог артистка, исполняющая роль дочки. — И ты считаешь, что он — Никодим, значит, он — мне не пара... Вот так!

— Ффу! наконец разобрались! — радостно констатировал Пыпин. И, склонившись к будке, давал команду: — Толкай дальше! Что я тебе говорю?

— Ты говоришь: «Вот помяни мое слово, он тебя не любит, ему нужны твои большие производственные премии и та новая квартира, которую тебе предоставляют за твой ударный труд...»

— Чего, чего ему нужно?

А тут уже из зала потерявшие терпение зрители кричали:

— Квартира ему нужна! Деньги! Ну, кто этого не понимает? Играйте дальше!

В задних рядах подхватывал кто-то:

— Слушай, старик, если ты вообще такой тупой, то зачем ты вмешиваешься в дела дочери? Пускай они сами разберутся!..

— Кхм, нда, — крикнул Пыпин, — Ну; я пойду на огород. А вы тут, действительно, разберитесь: что к чему?..

Уход Михеича воспринимался с облегчением как артистами, так и публикой...

И тем не менее, когда на следующий день Пыпин пришел к заведующему труппой; тот встретил его ласково:

— Молодец! — начал он, раскрывая объятия. — Воистину: выручил родной коллектив. Правда, во втором акте паричок у тебя немножко отклеился и одного уса не было... потом, текст не очень твердо ты проговаривал. А все-таки — сыграл! И спектакль отменять не пришлось! Молодец! Мы тебе уже вывесили благодарность на доске. Поди почитай... Стой!.. Ты не сразу иди! У меня к тебе еще дельце накопилось...

Сергей Пыпин вопросительно поднял брови. А завтруппой, стыдливо почесывая затылок, заметил:

— Только ты пойми меня правильно, Пыпин. Родной коллектив — то есть наш же театр — просит тебя еще разок выручить его. Поскольку ты показал себя, так сказать, мастером создания блиц-образов, что ли, ты... Что ты качаешься, Пыпин? Уж не хватил ли ты на радостях тово — грамм полтора-два, а?

— Ничего я не хватил, Палсаныч. И когда мне было «хватать»? Я же еще вчера

играл, как вы знаете, совершенно новую для меня роль...

— Правильно! И мы этой услуги родному коллективу не забудем. То есть сам коллектив не забудет. А теперь выручи нас еще раз. Сыграй ты в комедии «Большой недолив» роль веселой такой разбитной старухи Еремеевны...

— Кого сыграть? — переспросил Пыпин и поковырял пальцем в обоих ушах, полагая, очевидно, что он плохо слышит: уши, мол, заложило...

— Еремеевну будешь исполнять. Разбитная старуха — ее у нас вообще-то играет Спесивцева Анна Никандровна. Но Спесивцеву положили в больницу с подозрением на инсульт. А спектакль отменять управление культуры нам не разрешает. Вот и представился для тебя случай еще раз оказать услугу родному колл... Слушай, если тебя так заносит поминутно, ты лучше сядь! Сядь, Сереженька, посиди: в ногах правды нет. А тебе, как артисту, которому предстоит скоро дать на сцене исключительно правдивый образ нашей глубоко советской старушки...

— Но почему же я должен играть еще и старушку?! — провыл Пыпин.

— Ах, ты вот как ставишь вопрос? Хочешь отбрыкаться от почетной задачи, которая... при которой... в общем, не желаешь выручить родной колле...

— Дайте я выручу родной коллектив в какой-нибудь мужской роли! Я ведь все-таки мужчина! И к вам поступал в труппу на роли только мужские, в крайнем

случае — юношеские там... подростковые...

— Видишь, Пыпин, какой ты мелкий эгоист. Скорее даже эгоцентрик. Все бы тебе выигрышные молодежные роли исполнять, выдрючиваться перед девчонками в зрительном зале и у выхода из театра... А когда тебе предлагают серьезную творческую работу...

— Ну, какое ж это для меня творчество — играть старуху?! Палсаыч, вы только подумайте: что вы мне предлагаете?!

— Предлагаю интересный комический или, скажем, так: характерный образ нашей родной советской старушки. И не я предлагаю, а родной коллектив предлагает играть родную старушку... А что мы здесь с тобой дискутируем, Пыпин? Мы здесь дискутировать не будем. Ступай отсюда, Пыпин, к помрежу Шмакову, и пусть он тебе вручит роль Еремеевны. Времени у тебя для вхождения в образ, можно сказать, в обрез: послезавтра вечером ты уже натянешь на себя цветастую юбку Еремеевны и выйдешь к публике в ее забавном, но очень симпатичном образе. Вот так, Пыпин. Только так!

Артист Пыпин опустил голову на бумаги, как всегда покрывавшие письменный стол заведующего труппой, и громко зарыдал. Обильные слезы смочили документы, и завтруппой поспешно стал убирать со стола свои ведомости и повестки, приговаривая:

— Псих! Ну, чистый псих! Ему такие творческие горизонты раскрывают, а он

здесь воеет, как младенец перед ложкой с
касторкой!.. Не капай слезами хотя бы на
проекты приказов! Тут и про тебя сказано:
получаешь роль первой категории, Еремеев-
ну у нас всегда играют ведущие артистки!
Ты меня слышишь?!

Но артист завыл еще громче...

ДЕЗДЕМОНА НА ТРИ ТОЧКИ

В

опреки обычаю, директор драматического театра не пригласил к себе в большой кабинет—кого?— заместителя своего, а сам вошел в крохотную комнатку, которая была отведена ему заму.

— Семен Адольфович, — начал директор, — вы продумали, что мы будем делать тридцать первого декабря? Учтите, это — последний день бюджетного года...

— Что-то такое слышал о таком факте, — не без иронии отозвался зам.

— Если мы тридцать первого не наверстаем хоть что-нибудь из невыполнения плана, тогда — плохо дело... Ну, разумеется, тридцать первого дадим два спектакля у себя, в нашем здании...

— В здании — три! — отозвался зам, придвигая к себе счеты и карандаш. — А может, даже четыре. Плюс — выездные...

Директор поднял брови:

— Ну, три — это понятно: «утренник», «обедник» и «вечерник»... — сказал он. — А — четвертый куда вы воткнете?

— А после вечернего представления. Сделаем новогодний бал с

танцами и призами за лучшие костюмы. Теперь всюду так.

— Но это же — не спектакль...

— Хо-хо! Это, если хотите, — побольше спектакля: билетов мы продадим четыре полных комплекта...

— А не тесновато получится?

— Ну и что?.. Современные танцы — это тебе не мазурка и не падеспань, которые требовали чуть ли не циркового манежа для каждой пары. Сейчас все танцуется впритирочку, так сказать... Люди обнимаются и топчутся себе под музыку. А которые не танцуют — тем еще меньше места надо...

— Но нельзя же все-таки, чтобы — как в трамвае...

— Безусловно, нельзя... Хотя — почему нельзя? Вон в соседней области как сделали?..

Директор прищурился и произнес не без величественности:

— А вы забыли, что в соседней области именно за это сняли директора, и заместителя, и...

— А? Разве?.. Хотя — да... Что-то такое вспоминаю. Ну, что же, ограничимся тремя комплектами билетных книжек... Ну, тремя с половиной! И — все!

— Ой, Семен, Семен, не туда вы смотрите! Не подводите коллектив и... руководство: себя, меня и так далее... Лучше продумаем сейчас: какие будут у нас выездные спектакли?

— Тут, в основном, все ясно. Тридцать первого числа три выездных «утренника» —

это уж как пить дать: «Отелло», «Стряпуха» и «Девушка с веснушками».

— Заказчики есть на эти спектакли?

— Сделаем. Умрем, а сделаем! Уж кому-нибудь обязательно всучим все три выезда... То есть — не всучим, а уговорим... в общем, культурно обслужим. Хозяйственники там опомниться не успеют, а уж договора ими подписаны... Вы же знаете моих орлов-распространителей!

— Потому и тревожусь, что знаю... Мне в обкоме два раза намекали, чтобы я их по-унял...

— Дайте перевалить в новый год, Пал Михалыч, дайте залатать убытки и невыполнение, а там лично я переведу всех моих разъездных кассиров на культурные методы работы. Вот вам слово! Так. Значит, тридцать первого декабря «утренников» будет три. «Обедники» на выезд берут. Переходим, значит, к вечеру... Что ж, тут тоже мне мерещится что-то порядка четырех-пяти спектаклей...

— Это как же?

— Очень просто: «Девушку с веснушками» дадим у швейников; «Стряпуху» отправим к пиццевикам; «Отелло» — в дом медиков...

— А вот и не выйдет!

— Почему «не выйдет»?

— Канавцева играет стряпуху. И она же — в «Отелло» исполняет Дездемону — обе ведущие роли, не забудьте! Да!.. Она же еще и — девушка с веснушками!

— Да.. верно... и все-таки что-нибудь придумать надо... Вон ведь в кино: из одно-

го театра возят на мотоцикле коробки с лентами в другой кинотеатр. В этом кино крутят первую часть, а подвезли вторую. А где-то пошла третья часть. И уже им везут четвертую. А первую часть — фррр! — покатили на новую точку!

— Но Канавцеву надо «крутить» одновременно на трех точках: и стряпуха все время на сцене, и Дездемона тоже поминутно вылезает к публике, и эти веснушки — тоже на глазах у зрителей...

— Позвольте, позвольте, Дездемону в конце концов душат! Вот тут и надо ее перекинуть туда, где идет «Стряпуха»...

— Так душат — именно «в конце концов»: в самом последнем акте!

— Ага. Так. Так. А почему нам не начать с этого? Задушили эту венецианку сразу в первой картине, и перекидываем ее на другую площадку изображать колхозную повариху!

— Хорошо. Допустим. А кого тогда Отелло станет ревновать весь остальной спектакль? А как быть при этом с веснушками?

— А?.. Да... это, — действительно, надо продумать... Вы не помните: девушку с веснушками в каком акте душат?

— Кто ее душил?! В бодрой советской комедии, по-вашему, героиню убивают из низменных побуждений?!

— Не убивают, значит?.. Жаль-жаль... А то бы, может, удалось развести все три спектакля. Ведь эти веснушки играет еще Гущенко. Ее можно бы выдать за Дездемону или — за стряпуху Павлину...

— Как это — «выдать»? Ну, что вы говорите!

— Выдать... подменить, значит. Если нам взять напрокат хотя бы два мотоцикла с «галошами» — то есть с колясками, мы бы сумели организовать темповую перекидку на все три площадки. При условии, конечно, взаимозаменяемости актрис: здесь, допустим, играла Канавцева; начался антракт... вы следите за ходом моих мыслей?

— Ну?

— Да... И сразу же — в тот момент, как закрыли занавес, ее увозят на другой спектакль.

— Кого — «ее»?

— А героиню. Дездемону. Или стряпуху Павлину. Или эту — как ее? — ну, Дездемону с веснушками... то есть девушку с мавром... тьфу! без мавра, конечно... Ну, вы меня поняли: сразу увозим...

— Прямо в гриме?

— А что такое? Грим-то у них у всех — одинаковый: молодая героиня. Или там — инженерю... Веснушки наляпать нетрудно и убрать ничего не стоит... И притом: почему Дездемона не может быть конопатой? Где это сказано? Нигде не сказано!

— А костюм?

— Что — костюм?.. Да, костюмы у них у всех трех действительно разные... Ну, и что ж? Пока будут ее везти, она переодевается. Подсадим к каждой в «галошу» мотоцикла портниху-одевальщицу...

— Вы думаете, на ходу в мотоцикле артистка сумеет переодеться? А как вы ее с портнихой разместите в «галоше»?

— Ну, не в мотоцикле: автомобиль возьмем. Та-ак. Привезли, значит, Дездемону на полевой стан колхоза... Она играет здесь...

— А тем временем там антракт кончился.

— Правильно: кончился. А мы уже возьмем ее обратно — в Венецию... или же прямо на остров Крит, где Отелло ревнует во втором акте. Ну, может быть, немного потянули с антрактом... Вы следите?..

— Что же у вас, антракты будут величиной с целое действие плюс — время на переезды?

— А что такого? Если организовать приличный буфет... В общем, мне думается, можно устроить все так, что двух героинь хватит на три спектакля... Надо только продумать как следует. По-моему, тут — новый прогрессивный метод... ммм... метод интенсификации спектаклей... Вы следите?

— Что — я!.. Если вы попробуете на деле такую «интенсификацию», тогда уже прокурор будет следить... то есть начнет следствие.

— Вы думаете?.. Гмм... да... Пожалуй, это верно... Так что же делать?

— Я думаю, надо как-то добиться, чтобы зрители посещали наши основные спектакли. Не четыре и не пять представлений в день, а — одно. От силы — два. Но чтобы ходили бы, черт их возьми! Чтобы им интересно было!

Замдиректора не слышал этих слов своего начальника. Он что-то прикидывал на счетах и писал цифры карандашом. Даже на прямое обращение замдиректора отозвался

не сразу. А когда поднял голову от бумаги с цифрами, лицо его было печально и спокойно. Он сказал:

— Да, вы правы, Павел Михайлович, не стоит нам так хлопотать и налаживать эти утренники и вечерники... Сколько мы их ни сделаем, плана нам не дотянуть. Только испортим себе письмо в облисполком...

— Какое письмо мы испортим? — переспросил директор.

— Дотацию-то все равно придется просить по тому случаю, что зритель к нам ходить, в общем и целом, избегает... Значит, чем хуже будет баланс, тем нам выгоднее: больше получим...

— Значит, вы...

— Угу. Это самое. Я лично — категорически против чрезмерной активности. Нам это уже не поможет! Нет, нет!.. Перевозить героинь на мотоциклах не будем. Не удивим мы театральный мир нашей Дездемоной на три точки!..

**МОЛДАВ.
НД
ДРАМАТУРГИЯ**

КРАСИВОЕ ЧУВСТВО

СЦЕНКА ДЛЯ ДВУХ ИСПОЛНИТЕЛЬНИЦ

ДЕЙСТВУЮТ:

Ольга Ивановна — немолодая семейная женщина.

Ирэна Павловна — женщина немного моложе и с претензиями.

Место действия — квартира Ирэны.
Время действия — наши дни.

Когда открывается занавес, мы видим Ирэну в модном стеганом халате из розового синтетического шелка, в ярких туфлях. Волосы оранжево-морковного цвета увенчаны десятком металлических бигуди. Она говорит по телефону.

Ирэна (*в трубку*). Позовите, пожалуйста, Сергея Васильевича... Да. Мерси... Серенький? Это — я... Котик, я уже соскучилась... Угу. А ты? Я так и думала. Скажи своей кошечке «мяу»!.. Ну и пусть — вокруг люди, а ты скажи! Скажи «мяу»!.. Значит, ты меня не любишь?.. Не верю! Котик, ну, скажи «мяу»! Или твоя кошечка будет плакать... Сейчас скажи! Не слышу! Громче! Громче говори! Еще!.. Ну, вот теперь я верю, что ты меня действительно любишь. И я. Я говорю: и я. И я тебя обожаю!.. Ты скоро вернешься в наше

гнездышко? Нет, приходи скорее! А заседать будешь завтра! Ты слышишь?!

Входит Ольга Ивановна, неся огромный чемодан. Очевидно, ей трудно тащить такую тяжесть. Она опустила чемодан на пол.

Ольга. Простите, это — шестнадцатая квартира?

Ирэна (*кивает головой Ольге и продолжает в трубку*). Я не хочу, чтобы мой котик сегодня заседал! Я хочу с котиком пойти в кино... Ты слышишь? Твоя кошечка хочет в кино!

Ольга (*в сторону*). Ну, если такая кошечка захотела в кино, то уж не вырвешься...

Ирэна (*поглядела и поспешно закончила*). Ну, я потом позвоню. Тут пришли... (*Опустила трубку на рычаг*.) Вам кого?

Ольга. Точно не знаю. Но кажется — вас. Да, да, именно вас! Мне так и описывали...

Ирэна. Кто описывал? Ничего не понимаю... Что вам вообще нужно? Как вы сюда попали?

Ольга. Дверь в квартиру была открыта. А ваш адрес мне дали на работе у Сергея...

Ирэна. Значит, вы... (*Умолкает.*)

Ольга. Угу. Именно. Я — жена вашего «котика». (*Указала на телефон.*)

Ирэна (*гордо и картинно вскинув голову*). И что вам угодно от меня... от нас?

Ольга. Мне угодно отдать вам вещи моего бывшего мужа. Вот! (*Указала на*

чемодан.) После курорта Сергей домой не вернулся. Переехал прямо к вам... Ведь так?

Ирэна. Да! Мы любим друг друга! И никто не смеет осуждать наше чувство! Что значат вообще человеческие законы по сравнению с дивным чувством, которое называется лю...

Ольга. Ну, эту пластинку я знаю. Мне ее сам Сергей проигрывал не раз.

Ирэна. О, вы можете обратиться к так называемой «общественности»! Не сомневаюсь: вы разошлете повсюду кучу этих... как их называют? — заявлений... Но вам не удастся втоптать в грязь самые дорогие наши эмоции, которые трепещут в наших сердцах...

Ольга. Да трепещите себе, сколько хотите. Я ведь — как раз наоборот: принесла вам все вещи Сергея, чтобы ему не надо было покупать себе новое белье или там одалживать ботинки у приятелей. Вот — все здесь!

Ирэна. Это — точно, что все?

Ольга. Поверьте: у меня ничего не осталось...

Ирэна. Поверить — нет. Проверить надо.

Ольга. Это — сколько хотите... *(Села.)*

Ирэна. Вы — что же? Расписку ждете?

Ольга. Зачем?.. Просто посижу немного: устала я все-таки, пока доперла к вам такую махину... Разрешите закурить?

Ирэна *(пожав плечами)*. Пожалуйста... Вот — зажигалка...

Ольга. Спасибо: у меня спички... Дайте я на вас посмотрю: все ж таки мой муж ушел к вам... *(Закуривает и глядит на Ирэну.)*

Ирэна *(ежится под этим взглядом, принимается снимать свои бигуди)*. Поверьте: я не виновата... Это нахлынуло на нас, как тайфун... как девятый вал любви, одним словом...

Ольга. Ах, у вас это уже — в девятый раз?

Ирэна. Вы меня не поняли! Не любовь, а вал — девятый... ну, как буря, шторм... Я говорю: в смысле тайфун...

Ольга. У моего Сергея это тоже, выходит, третий... нет, все-таки пятый тайфун.

Ирэна *(поспешно)*. И все — на курортах?

Ольга. На курортах — второй раз. Если считать с вами. А то — в одной командировке был «тайфун». Потом — с машинисткой у них на работе... Потом... в общем, я уже привыкла к этим «тайфунам»... Как вы то будете переносить их?.. Впрочем, может, вы сами «затайфуните» раньше, чем Сергей?..

Ирэна. Напрасно вы хотите омрачить наше красивое чувство. Вам не удастся! И потом: я слишком много о вас знаю. Угу. Мне Сергей рассказывал, кто вы и какая вы. Угу!

Ольга. Это — насчет моей бесполетности?

Ирэна. Точно! Для того, чтобы понять эту сложную натуру — я имею в виду моего Серенького... Сергея, я хочу сказать...

Ольга. Да знаю я и эту пластинку: я — низменная душа, погрязшая в пошлостях быта. А он — весь устремленность ввысь, весь — в романтике, в цвету... На скупость мою жаловался?

Ирэна. Конечно! А разве вы не скупая?

Ольга. Будешь скупой, если зарплата не такая уж крупная, а он на своих баб норовит истратить...

Ирэна (*перебивая*). Как это — «не крупная»?! Ведь Сергей Васильевич — получает, как член-корреспондент, не меньше, чем...

Ольга (*засмеялась*). Он и вам наврал про это членство-корреспондентство? Вот — ловкач!.. Это он еще двенадцать лет тому назад придумал, что женщину надо обольщать большими окладами. Смотрите: и вы клюнули!

Ирэна. Ничего я не «клюнула»! Я его просто люблю! Вы такого не поймете!

Ольга. Где уж нам... Но вы ему скажите: домой пришла повестка из суда. Институт керамики с него ищет восемьсот рублей за невыполненный проект...

Ирэна (*с интересом*). Да?.. Имейте в виду: он здесь не прописан. И я своим имуществom за его долги не намерена...

Ольга. Ну, факт. Описывать вещи будут у меня. Я знаю. А вы лучше спрячьте вот это... (*Указала на чемодан.*)

Ирэна. Думаете, ко мне все-таки придут?

Ольга. Все может случиться... Так что вы говорили про любовь?

Ирэна. Говорила и буду говорить. Он — такой не похожий ни на кого... такой какой-то особенный... Но врет он много. Это я тоже заметила. Они ведь все такие — мужики...

Ольга. Это вам виднее. Я пойду, пожалуй... Да! Вот еще что я вам хотела сказать: здоровье у него вообще не очень... Колит в особенности мучает. Так вы там ему каши сварите, яички всмятку... Суп лучше — протертый...

Ирэна. Этого еще не хватало! Что я — диетическая сестра?

Ольга (*вздыхнула*). Да... я вот всю жизнь была диетическая жена...

Ирэна. Ну, если вы любите возиться с этими кашками и супчиками... Слушайте, а сколько он получает в месяц?

Ольга. Рублей сто восемьдесят.

Ирэна (*всплеснула руками*). И это — все?

Ольга. Премии иногда бывают... потом, если закажут работу на стороне где-нибудь...

Ирэна. ...и потом вчинят иск за невыполнение договора — да? Как вот этот институт, что вы назвали?

Ольга. Институт керамики. Ну, это спорный иск. Сергей работу-то сделал. Думаю, обойдется...

Ирэна. А если не обойдется?! Нет уж, знаете, не нужен мне ваш дорогой супруг!

Ольга. Зачем же вы его забрали у меня?

Ирэна. А теперь я передумала! Оставьте его дома: он у вас прописан, в конце концов!

Ольга. Выписывать я его пока не собираюсь.

Ирэна. «Пока»?! Я вам покажу «пока»!.. Я его с милицией выселю из моей квартиры! И чемодан попрошу унести сейчас же! Зачем вы его притащили?! *(Пнула ногою по чемодану.)* Какой-то облезлый пошлый баул... да еще за ним придут из суда, чтобы вместе с этим отнять и мои вещи... Это... это... хулиганство, и больше ничего! Я первая заявлю в милицию! Неет, вы вашего колитика получите обратно, как миленькая!

Ольга. Котика — вы хотите сказать?

Ирэна. Нет, колитика!

Ольга. Я вас не узнаю... А где же красивое чувство? Тайфун где?

Ирэна. Тайфун у меня будет, когда я начну вышибать вашего брехуна с моей жилплощади! Не на такую напали! Сейчас же вон отсюда вместе с чемоданом!

Ольга. Я готова уйти. Но чемодан обратно не понесу.

Ирэна. Понесешь. Еще как понесешь! *(Пытается поднять чемодан.)* Ну, берись за ручку... *(Не может оторвать от полу.)* Что вы туда, кирпичей наложили, что ли?

Ольга. Тут и его бумаги: проекты, планы, чертежи...

Ирэна. Уноси сейчас же, или я все сожгу!

Ольга. Это — ваше дело. Прощайте. Привет тайфуну. *(Идет к двери.)*

Ирэна *(визжит)*. Стой. Я кому говорю: стой!

Ольга. А почему я должна у вас оставаться? Привет!

Ольга ушла; Ирэна бежит за нею.

Ирэна. Я тебе вслед этот чемодан с лестницы брошу!

Голос Ольги. Не бросите: вы его поднять не можете!

Голос Ирэны (с плачем). Я умоляю вас! Ну, сжальтесь надо мной! Ну, возьмите ваш чемоданчик!

Короткая пауза. Ирэна вернулась в комнату. Она и плачет и рычит от ярости. Кинулась к телефону, рывками набрала номер.

Ирэна (в трубку). Сергей Васильевич! Ты? Что, что? «Мяу»? Я тебе покажу «мяу»! Я тебе... ты у меня... Ты освободился? Очень хорошо! Никаких тут кошечек для тебя нет! Ясно?! Сейчас же придешь ко мне и вывезешь чемодан с твоим дурацким бараклом! Молчать! И прошу меня называть на «вы»! Никаких кошечек! Никаких тайфунов! Чтобы через полчаса и ты и твой дурацкий чемодан выкатились от меня! Все! Клади трубку, болван!

Опустила трубку на рычаг, отошла от телефона и злобно ударила чемодан ногою; сильно ушибла ногу, зашипела, запрыгала на одной ноге и так проковыляла за кулисы.

З а н а в е с

ДВЕ МАСКИ

Маленькая пьеса
в 3-х картинах

ДЕЙСТВУЮТ:

Гранаткин — личность без определенных занятий.

Районный архитектор.

Заведующий райжилотделом.

Сотрудник (ца) райисполкома.

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Коридор учреждения. Двери, указатели, телефон-автомат, деревянный диван. (Лучше все это поместить перед вторым занавесом.)

У телефона стоит Гранаткин. Он опустил в щель аппарата монету и набрал номер.

Гранаткин (*в трубку*). Аким Иваныч? Я говорю... Ну да: Гранаткин говорит... Никуда я не пропал, а... Аким Иваныч! Аким Ива... Аким... Ак... А... (*Видно, что ему не дают говорить.*) Аким Иваныч, зачем же вы так выражаетесь: «Пропал, сбежал, верни деньги»... Да разве я... Если я обещал достать разрешение на застройку, значит: все! Аптека! Камень! Гранаткин такой человек,

что через него двадцать восемь зданием воздвигались и по сей день стоят как вкопанные... то есть — не вкопанные, а — на фундаментах. И вам я представляю на ваш то есть личный письменный стол... Нету у вас письменного? Все равно: на столовый стол представляю. На самоварный... на подтелевизорную тумбочку, а положу это разрешение лично персонально вам — на что? — на застройку в пределах намеченного вами участка. Все! Отсюда же и говорю: из райисполкома. Сейчас пойду и получу разрешение. Есть! К вечеру ждите! Все! Все! *(Вешает трубку.)* Нервный старикан... Однако же надо действовать: и аванс надо оправдать, и выбить из него еще, так сказать, порцию денег... С чего начну?

Проходит по коридору сотрудник (или сотрудница). Столкнулся с Гранаткиным.

Сотрудник. Простите...

Гранаткин. Нет, это вы меня простите... Вы здесь работаете?

Сотрудник. Угу.

Гранаткин. Тогда попрошу одну минуточку... *(Вынул из кармана бумаги.)* Видите ли: затеял один мой знакомый... то есть виноват: лично я затеял небольшую застройку в районе Кургускинской улицы. Но ни он, ни я совершенно не знаем: кто может дать разрешение на такую застройку?

Сотрудник. Тут надо получить две подписи: районного архитектора и заведующего райжилотделом... *(Хочет уйти.)*

Гранаткин (*задержал его*). Как, как вы сказали?

Сотрудник. Районный архитектор — комната восемнадцать. И заведующий райжилотделом — второй этаж, комната тридцать девять. (*Хочет уйти*).

Гранаткин (*снова задержал*). Благодаритель, довершите вашу милость: расскажите мне — кто они такие? Как к ним подойти? С чем их кушают?

Сотрудник (*пожал плечами*). Ну, я не знаю... Райархитектор — товарищ Слюсарев — человек скромный, тихий, интеллигентный, начитанный...¹

Гранаткин. Начитанный, говорите? Так, так, так... Заметим себе.

Сотрудник. А Петренко — завжилотделом — наоборот, шумный такой тип, веселый, весь нараспашку...

Гранаткин. Нараспашку? Ага... Это — хорошо, что нараспашку... Пить любит?

Сотрудник. Может, и выпивает — не на работе, конечно... Но мне некогда, пустите меня...

Гранаткин. Сделайте милость... идите... вы и так меня облагодетельствовали...

Сотрудник уходит.

Тэк-с. Теперь—одно: не проворонить. К обоим подделаться. Вести себя в каждом случае по вкусу того, к кому пришел... Ясно. Решено. Приступаем. Первым будет этот — ну,

---

¹ Роль архитектора может играть женщина. В таком случае соответственно изменяется эта реплика и все дальнейшее.

архитектор, который такой начитанный... Что надо, чтобы его пленить? Две книги под мышкой и речь, наполненная цитатами. Книги! Где я возьму книги? Ага! — вон, кажется, книжный киоск, возьму под залог паспорта любых два тома...

Убегает и тотчас же возвращается, неся под мышкой сверток, явно состоящий из книг.

Так — а теперь в поход! На архитектора! За нашу застройку! Нет, Аким Иваныч, вы больше не будете говорить, что я зря взял деньги!

Исчез за кулисами.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Занавес открывает кабинет районного архитектора.

Архитектор — хмурый мужчина (или хмурая женщина) в очках сидит за столом.

Стук в дверь. Не успел архитектор поднять голову, как уже вошел Гранаткин.

Гранаткин. Можно? Простите... я вторгаюсь, наверное, не вовремя...

Архитектор. Нет, почему... Что вам угодно?

Гранаткин. Разрешите представиться. Гранаткин. Очень приятно... *(Глядит на стол.)* Ух, сколько книг!.. Да... тревожу вас по делу о застройке... *(Глядит на книги.)* Сразу видно интеллигентного человека... Начитанность! В сущности, она решает все в

наше время... Да... Так на чем бишь я? Ах, да: застройка. Имею несчастье принять участие... Разрешите полюбопытствовать: какие именно книжечки изволите держать на столе...

Архитектор (*пожал плечами*). Пожалуйста. Справочники: технические, строительные, план города...

Гранаткин. Да, да, да, вижу, вижу! Занимательное чтение... Я и сам — видите вот? — только что приобрел два фолианта... Цены нет. Может, читали: немецкий философ Гоголь.

Архитектор. Гоголь?

Гранаткин. Простите: Гегель... то есть скорее Бебель... в общем, Бабель.

Архитектор. Бабель, говорите?

Гранаткин. То есть Нобель... Небель даже... Виноват: Мебель...

Архитектор. Мебель? (*Пожал плечами.*) А что вам, собственно, угодно?

Гранаткин. Беспokoю вас по делу о застройке. Один мой друг — почтенный человек, пенсионер, уважаемый старец — затеял построить один тут сарайчик на Кургузкинской улице, домовладение, если изволите знать, за номером семнадцать-бис...

Архитектор. Почему же он сам не приходит.

Гранаткин. Исключительно по причине слабого здоровья. Я же говорю: инвалид. Как сказал поэт: «Увы, уже не те и силы, и весь мой организм не тот...» Забыл сейчас, чьи стихи, но очень трогательно. Вообще — поэзия моя слабость. (*Похлопал по своему свертку.*) Вот купил сейчас пару томиков

лирических стихов. Поэт Исаак Михайловский.

Архитектор. Михайловский?

Гранаткин. Или наоборот: Михаил Исаковский. Что-то в этом роде. Чудные стихи и песни... «Как бы мне, дубине, к дубу перебраться»... Прямо слеза бьет, когда читаешь... Да, так вот: в отношении застройки я бы попросил вас, как интеллигент интеллигента...

Архитектор. Фамилия вашего товарища?

Гранаткин. А?.. Супрунов, Аким Иванович Супрунов, домовладение семнадцать, я извиняюсь, — бис... И все дело-то — на три минуты...

Архитектор (*глядит в список*). Супрунов...

Гранаткин. Именно! Супрун Иванович Акимов... То есть, простите, наоборот: Аким Иванович Супрунов.

Архитектор. Нет у меня такого заявления.

Гранаткин. Не может быть! Что же мне теперь делать?!

Архитектор. Пройдите в райжилотдел: может, у них...

Гранаткин. Придется. Ну, благодарю вас... Поскорее отделаюсь там и — домой, читать! Это — моя слабость... Может, одолжите эту книжицу, я бы ее в два дня...

Архитектор. Это — справочник по оплате строительных работ...

Гранаткин. А что? Тоже есть своя прелесть. Помню, еще в двадцать седьмом году напоролся я в одном доме на тогдаш-

нюю телефонную книгу... Неделю не могли меня оторвать от нее... Поверите ли: как роман приключенческий... И еще бы: на каждой странице — биографии. И притом не выдуманные... Там — Иванов, Иванов, Иванов, Иванова, Иваненко, Ивановский, Ивахин... Взахлеб читал. Ну, честь имею: надеюсь еще навестить и поговорить на досуге исключительно об словесной изящности... то есть, я извиняюсь: об изящной словесности...

Г р а н а т к и н у ш е л .

Архитектор. До свидания... Странный субъект...

З а н а в е с

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Кабинет заведующего райжилотделом. Заведующий стоит у шкафа и вынимает бумаги. Стук.

З а в е д у ю щ и й . Войдите.

Входит Гранаткин. Из кармана торчит бутылка, завернутая в бумагу. Сверток с книгами — в руке.

Г р а н а т к и н (*в сторону*). Значит, — рубаха-парень... Попробуем подобрать к нему ключик.

З а в е д у ю щ и й . Что скажете?

Г р а н а т к и н . Ну, здоров! Давай пять... (*Сует руку, передразнивая.*) «Что скажете, что скажете»!.. Будто уж нельзя зайти хорошему человеку к хорошему человеку просто

так... Куришь? *(Протягивает коробку папирос.)*

Заведующий. Спасибо. Только что курил...

Гранаткин. Ладно. После затынемся... *(Прячет коробку.)* Вот какая картинка, друг ситцевый: я ведь к тебе — по делу.

Заведующий. А по какому? Садись... *(Идет к столу.)*

Гранаткин *(садится на стул перед столом)*. Сейчас скажем. Да... Ничего у тебя кабинетешко... Тут в случае чего и тяпнуть можно, — а? А? А?.. *(Вытаскивает из кармана до половины бутылку.)*

Заведующий. Ну, это ты брось!

Гранаткин. Да что ты? — уж и пошутить нельзя, понимаешь... Сам соображаю: после работы мы с тобой в неслужебное время — тово... *(Щелкнул себя по горлу.)* Да, так вот: насчет застроечного дела я. Ну-ка, глянь: не у тебя ли заявка одного старичка?..

Заведующий. Фамилия?

Гранаткин. Скажу фамилию... Куда торопишься?.. *(Смотрит на бумаги на столе.)* Это — чья карточка? А ничего канашка! Факт!.. Я и сам не прочь... у меня тоже есть знакомые, так сказать, киски... Как-нибудь устроим с тобой детский крик на лужайке, хе-хе... Да, так вот: некто Супрунов Аким Иванович. Застройка на Кургускинской улице...

Заведующий. Сейчас посмотрим... *(Роется в бумагах.)*

Гранаткин. Слушай, а что ты здесь, понимаешь, штаны протираешь? Давай по-

быстрому отдадим концы и — в рестораник. Я знаю один погребок, так там закуски дают... *(Делает воздушный поцелуй.)* Пальчики оближешь! И оркестр играет... *(Напевает.)* «Мишка, Мишка, где ж твоя улыбка...»

С середины последней реплики вошел архитектор.

Архитектор. Можно?

Заведующий. Прошу, Василий Васильевич... *(Анна Васильевна.)*

Гранаткин. А? Как?.. Неужели... Кхм... *(Принимает поспешно постный вид и прячет поглубже в карман бутылку.)* Люблю я, понимаете ли, на закуску почитать хорошую книгу... Того же Гегеля... то есть Мебеля... В общем, что-нибудь такое — философское, покруче...

Заведующий *(с удивлением смотрит на Гранаткина)*. Как?

Гранаткин. Я говорю: люблю этак трахнуть что-нибудь за здоровье всех этих философов или там вообще писателей... *(Обернулся к архитектору.)* В каком то есть смысле трахнуть? — исключительно, что поаплодировать... *(Показывает, как он хлопает руками.)* Другой раз такое у них вычитаешь, что просто один в комнате начинаешь аплодировать... *(Повернулся к заведующему.)* А почему? Исключительно потому, что если на столе водчонка там, понимаешь, килечки, колбаска... барышни тут же помоложе хихикают, ну, — как не взыграть?.. *(Повернулся к архитектору.)* Духом — я имею в виду взыграть духом. Так приятно расши-

рительному процессу... *(Повернулся к заведующему.)* Особенно в хорошей компании да чтобы застолье — подходящее.

Архитектор. Странный какой гражданин!..

Заведующий *(архитектору, незаметно для Гранаткина, тихим голосом)*. Пройдите-ка на мое место...

Архитектор и заведующий меняются местами. Гранаткин упустил это обстоятельство.

Гранаткин *(говорит в сторону кресла заведующего, подле которого теперь сидит архитектор)*. А мы с тобой все-таки тяпнем сегодня водчонки! *(Повернулся к двери, где прежде был архитектор, а теперь стоит заведующий.)* И еще вам хочу показать одну книженцию восемнадцатого, можете себе представить, века... Такая мудрость, знаете ли... *(Заметил, что обращается к заведующему.)* А?.. Как?.. То есть я хочу сказать: ай-да сейчас в забегаловку... *(Смотрит в сторону архитектора.)* То есть, я извиняюсь, с вами мы сейчас махнем в библиотеку и там откупорим... исключительно большой такой ящик с книгами... *(Заведующему.)* И под эти книги дербалызнем как надо! Девчонок вызовем прямо в эту библио.. забега... в библигаловку... То есть... Как хотите, я не могу сразу на вас на двух работать!

Архитектор. А зачем вам работать?

Заведующий. Разрешение на застойку уже дано.

Гранаткин. А?

Заведующий. Вот тут записано: разрешение Супрунову Акиму Ивановичу послано на дом.

Гранаткин. Как то есть послано?! Как послано?! Значит, я остался ни при чем?!

Архитектор. Значит, вы сами — не застройщик?

Гранаткин. Я? Как вам сказать? Скорее нет, чем да. Но я так заинтересован, чтобы почтенный старик получил разреше...

Заведующий. Это мы понимаем, что вы заинтересованы. Сколько вы с него потребовали?

Гранаткин. Что значит «потребовал»? Я вообще ничего не тре... В общем, я пошел. Меня тут ждут в одной библиотеке... скорее даже в забегаловке... Честь имею! Ффу... Сколько хлопот, и все — зря... Тьфу! *(Убегает.)*

З а н а в е с

ВСТРЕЧА С ПОЭТОМ

Скромное помещение районной библиотеки. На заднем плане — стеллажи с книгами, на авансцене — несколько столиков для читателей.

Две библиотекарши в темных халатах держатся поближе к книгам.

Поставленный отдельно столик служит кафедрой для лектора. За ним стоит критик, заканчивающий свое вступительное слово в тот момент, когда занавес открывается.

Читатели сидят за остальными столами и просто на стульях, сдвинутых в подобие коротких рядов. Их немного — читателей. Предполагается, что известное количество таких слушателей литературного вечера находится за кулисами.

Критик (он близок к концу своего слова)... и это свидетельствует о том, что у автора имеются тенденции к смазыванию тех позиций и ситуаций, которыми нельзя пренебрегать, касаясь данных вопросов.

Громкий храп одного из слушателей.
Хррр... Фр... Хрр...

В общем, я кончаю, товарищи. Сейчас перед вами выступит поэт Антон Кусачков. Как отмечала на-

ша критика и я в том числе, — товарищ Кусачков входит в первые полсотни наших поэтов, но занимает в этой когорте одно из последних мест. У него — своеобразное лирическое дарование, которым, однако, он плохо владеет. У Кусачкова есть то, что называется «свой голос», но голос этот — довольно противного тембра. Стихи Кусачкова всегда можно отличить по их неповторимой манере, полной противоречий и недоделок. Образы Кусачкова запоминаются как по своей необычности, так — часто — и по нелепости. Читатель любит поэзию Кусачкова, если он ее встречает редко и в малых дозах. Словом, Кусачков интересный поэт, встреча с которым доставит вам удовольствие. Антон Сосипатрович, прошу вас!

Критик уступает место поэту, приглашая аудиторию аплодировать последнему. Слушатели вяло хлопают.

Из-за стеллажей выходит поэт. Он надменно останавливает жидкие аплодисменты аудитории. Проходит к столу, громко пьет из стакана, делает большую паузу.

Поэт. Я прочитаю вам мою «Балладу о кукурузе». Мой друг поэт Тимофей Вихлявый утверждает, что его стихи о кукурузе написаны до моей «Баллады». Но это — неверно. Когда Вихлявый сел писать свои стихи, мою «Балладу» уже положил на музыку мой друг — композитор Никифор Фрац. Итак, «Баллада о кукурузе». (*Читает, скандируя.*)

Идет отсталый элемент
 По всходам нежным-нежным...
 Их вытоптать в один момент
 Готов он неизбежно...

На что ж он громко ропщет?
 И что ногами топчет?

Глупец не знает, что листок,
 К которому он так жесток,
 Есть кукурузное начало,
 Не зря оно возрастало!

Припев:

Кукуруза — не обуза,
 Кукуруза — дивный злак!
 Он любое вскормит пузо...
 Кукуруза это — смак!

II

Но чу! — спешит уж агроном
 На помощь кукурузе.
 Потравы горестный район
 Он сразу же обузил.

Он изо всех научных сил

Тут элементу объяснил:

Что этот маленький листок,
 К которому тот был жесток,
 Есть кукурузное начало,
 Не зря оно возрастало!

Припев:

Кукуруза — не обуза,
 Кукуруза — дивный злак!
 Он любое вскормит пузо...
 Кукуруза это — смак!

И тот, кто сапогом топтал
 Ростки от кукурузы,
 Он к стебелькам в слезах припал,
 Улегшись на пузо...
 Он плачет, а не ропщет,
 Ласкает, а не топчет!
 Бормочет он:

— Расти, мой злак!
 Сейчас ведь ты в зачатке,
 А скоро вырастут вот так
 Огромные початки!..

Припев:

Кукуруза — не обуза,
 Кукуруза — дивный злак!
 Он любое вскормит пузо...
 Кукуруза это — смак!..

К р и т и к. Браво! (*Рукоплещет, но, не получив поддержки у слушателей, умолкает.*)

П о э т. Я хотел бы прочитать вам еще отрывок из моей поэмы «Лопата», но, к сожалению, наизусть не помню, а книжку позабыл... Товарищи библиотекари, у вас есть мой сборник «Сивый ветер»?

З а в е д у ю щ а я б и б л и о т е к о й. Безусловно... Марья Карповна, найдите товарищу Кусачкову его сборник...

Б и б л и о т е к а р ш а. Сейчас, сейчас...

Молодая библиотекарьша в сием халате поспешно скрывается за стеллажами. Она уносит туда стремянку. Пауза. Критик беседует вполголоса с поэтом, а слушатели — между собой.

Голос библиотекаря (из-за стеллажей). Фф-ух!.. (Слышно, как она громко чихает несколько раз подряд.)

Заведующая. Марья Карповна, в чем там дело?

Библиотекаря (сквозь чихание). Сейчас, сейчас... несу.

Библиотекаря выносит запыленный томик, держа его далеко перед собой. Она продолжает чихать.

Заведующая (отнимает у библиотекаря книгу). Дайте сюда!.. Что это вы нашли время чихать! (Чихает сама.) Пожалуйста, товарищ по... поэт... Апчхи!

Заведующая отошла в сторону и там пытается сделать выговор библиотекарше, но не может это осуществить, так как все время чихает. Библиотекаря, продолжая чихать, оправдывается, но тоже — с трудом.

На фоне этой мимической сцены поэт решительно раскрывает том своих стихов. Вырывается из книги облако пыли. Начинают чихать критик и близисядящие слушатели. Сам поэт чихает больше и чаще всех. Нечто вроде «чиховой переключки» на разные голоса.

Поэт. Хорошо же у вас соде... соде... соде... апчхи! Чхи! Чхи!.. содержатся кни... чхи!.. ги... чхи!..

Библиотекаря. А чем мы виноваты, если вашу книгу никто не спраши... апчхи!

Заведующая (останавливает библиотекаря). Помолчи... чхи!.. те!

Поэт. Как это не спра... спра... спра... апчхи! Как это не спра... чхи! Как не спра...

шивают? Вот мы сейчас посмотрим по формуляру... *(Залез в карманчик на внутренней стороне переплета, извлек бумажку, от этого возникло новое облачко пыли.)* Нда... Это... апчхи! чхи! чхи!.. Это — тово... чхи... *(Снова чихает.)*

Критик. Антон Сосипатрович, вы... чхи!.. Вы... чхи!.. Вы... чхитайте!

Поэт *(читает по книге)*.

Здравствуй, скромная лопата,
Древний предков инвентарь! Апчхи!
Ты — такая ж, как когда-то
На Руси бывала встарь... чхи... встарь...
После прочной рукояти
Расширяешься к земле
И коп... коп... копать...чхи!.. тобою кстати
Что в могильной мрачной мгле,
Что в податливом навозе... чхи!..
Что в рассыпчатом снегу.

Ты в саду... ус... ус... послужишь...
апчхи!.. розе,

Сваям ты на берегу
Яму выроешь апчхи! с охотой...
Уберешь и скотный двор... Апчхи!
На войне с сап... сап... сапер... с саперной
чхи!.. ротой
Ты врагам создашь зат... зат... затор...
апчхи!

(Переворачивает страницу, новое облако пыли.)

Вот за это все... апчхи-чхи-чхи-чхи!..

Поэт начинает чихать без остановки.
За ним чих одолевает всю аудиторию.
Поэт в конце концов махнул рукой и ушел совсем.

Заведующая библиотекой. Товарищи, прошу соблюдать пор... пор... порядок... апчхи!.. Вот мы прослушали... сти... сти... чхи! Ставлю их на обчихание... то есть на обсужде... апчхи!..

ГЛУХОНЕМОЙ

НЕБОЛЬШАЯ КОМЕДИЯ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Муж.

Жена.

Друг.

Книгоноша.

Глухонемой.

Действие происходит в наши дни в однокомнатной квартире нового дома.

Еще до открытия занавеса слышно, как ссорятся муж и жена. А когда зрители увидели современно обставленную комнату, перед ними предстают не слишком молодые супруги. Оба находятся в состоянии раздражения. Оба все больше приходят в ярость от слов и действий друг друга.

Жена. Ну, хорошо! Я — плохая жена. Но ты-то мог бы вести себя достойно?!

Муж. С какой стати я буду вести себя достойно, если мне платят... платят... *(Подыскивает слово.)*

Жена. Чем тебе платят?

Муж. Неблагодарностью — вот чем!

Жена. А за что я должна тебе быть благодарной?! За то, что ты меня унижаешь не только здесь — дома, но и перед твоими друзьями, которые...

Муж. Что — «которые»?

Жена. Которые просто смеются надо мною по твоей милости!

Муж. Кто смеется? Ну, кто?!

Жена. Да все! Все, за исключением тех, кто меня просто жалеет!

Муж. Уж если кого жалеют, так это — меня!..

Звонок у входной двери.

Жена. Интересно знать: за что тебя жалеть?

Муж. За то, что у меня такая жена! — вот за что!

Звонок повторяется.

Жена. Нет, уж прости! Жалеть можно только меня! Да-да-да!

Звонок повторяется три раза кряду.

Муж. Меня! Понимаешь: меня надо жалеть!

Жена. Звонят. Открой дверь!

Муж. Вот: дверь почему-то обязан открывать я...

Жена. А почему я должна открывать?

Муж. Вот! Про это я и говорю!

Жена. Хорошо, я открою. Я открою, но ты... *(Идет к двери.)*

Муж. Можешь не делать мне одолжений!

Звонки зачастили.

Жена. Да иду я, иду! Кто там трезвонит, черт вас всех побори!

Жена открыла дверь. Входит друг.

Друг. Вы — дома?

Жена. Яша? Боже мой, как приятно!
(*Мужу.*) Погляди, кто к нам пришел!

Муж. Какими судьбами?! Вот радость!..

Жена. А я еще утром спросила мужа:
«Пусик, почему это Яшенька нас забыл?»...
Ты помнишь, пусик?

Муж. Я все помню, кисонька!

Жена. Что же вы не раздеваетесь? Хотите чаю? кофе? Покушать?

Друг. Спасибо, спасибо... У меня к вам огромная просьба...

Жена. Будем рады помочь... Правда, пусик?

Муж. Кисонька, ну, конечно!..

Друг. Понимаете, я приехал из родного города — ну, где мои старики живут... И привез с собою больного человека...

Жена. А он заразный?

Друг. Боже упаси! Он просто глухонемой.

Муж. Как это «просто»?

Друг. Не слышит и не говорит ничего. А в остальном — прямо душечка. Его надо показать профессору. А сам он — то есть не профессор, а глухонемой, — он родственник наших друзей. Они столько делают для моих родителей... Я не мог отказать им!

Муж. Но чем мы-то можем помочь вашему глухонемому...

Друг. Просьба одна: пусть он побудет у вас полчаса, пока я договорюсь с профессором...

Жена. А он это... он — не припадочный, ваш глухонемой?

Друг. Да что вы!.. Вот увидите: обаятельнейший человек... Улыбка такая... а ус-

лужливый какой! За водой там сходить к колодцу или починить забор...

Муж. Но у нас нет колодца: водопровод... вы же сами знаете...

Жена. И заборов как-то мы не завели...

Друг. Разве ж я не знаю? Это я — к примеру. А вообще он посидит в передней, если вы, конечно, разрешите...

Муж (*пожимая плечами и глядя на жену*). Ну, если вы говорите, что он, так сказать, вполне безопасный...

Друг. Ну, как я!

Жена (*кокетливо*). О, нет, вы как раз — очень опасный субъект. В вас столько обаяния, я знаю, как вы умеете обольщать женщин...

Друг. Да что вы, я никогда себе этого не позволяю... Так разрешите я за ним схожу?

Муж. Куда ходите?

Друг. А я его оставил у подъезда. Сказал, что сейчас вернусь: хотел согласовать с вами...

Муж. «Сказал»? Значит, он что-то слышит?

Друг. Да нет! Он как вот эта стенка... И я ему жестами, знаете, жестами... (*Показывает хозяевам, как он мимически объяснялся с глухонемым.*)

Жена (*кокетливо смеется*). А вы, оказывается, артист! Я и не знала...

Муж (*хихикает*). Забавно это все... Ну, ступайте за вашим глухонемым!

Друг. Спасибо, мои дорогие!

Друг поспешно уходит. Жена заперла дверь.

Муж. Этого нам еще не хватало: глухонемого в дом!

Жена. Что ж ты тогда согласился, если тебе не нравится?

Муж. Попробовал бы я не согласиться: все равно ты бы впустила его — назло мне, а впустила бы!

Жена. То есть это ты так предполагаешь!

Муж. Не предполагаю, я знаю! Из одного кокетства пустила бы!

Жена. При чем тут кокетство?

Муж. А при том, что ты просто на шею бросаешься!

Жена (*наигранно смеется*). Кому? Глухонемому?!

Муж. Не глухонемому, а — Яше. Ты даже сейчас успела ему строить глазки и говорить, что он неотразим!

Жена. Ну, знаешь, для своей идиотской ревности ты мог бы выбрать повод поумнее!

Звонок.

Муж. Какое кокетство, такая и ревность!

Жена. Боже мой! За что ты меня наказываешь?! Неужели я всю жизнь обречена жить с этим типом?!

Звонок.

Муж. Звонок. Иди, впускай своего глухонемого.

Жена. «Моего»? Ну и негодяй же ты!

Звонок.

Муж. Э, да что там толковать...

Муж быстро идет к двери. Показался книгоноша, который робкой мимикой просит разрешения войти.

Жена. Хорош гость, нечего сказать! И ты умудрился еще меня приревновать к такому идиоту!

Муж (*жене, вполголоса*). Тихо ты! А вдруг он услышит!

Жена. Тебе же сказали, что он абсолютно глухой! (*Отвернулась.*)

Муж (*мимикой показывает книгоноше, что он может войти*). Прошу вас, пожалуйста... (*Громко.*) Давай сюда! Слышишь? Ты, парень!

Жена. Хорош «парень»!.. Ему лет пятьдесят...

Муж (*усиливает мимику, но не оставляет и попытки говорить с гостем*). Ну, что ты застрял в дверях? Раз уже притопал, давай заходи!.. А где Яков-то? Почему ты без него?

Книгоноша начинает шипеть и попискивать.

Жена. Видеть не могу, как ты мучаешь этого... этого... (*Махнула рукой на книгоношу.*) В общем, пусть входит! (*Книгоноше.*) Эй, ты... Я тебе говорю!.. Сядь вон там (*указала на стул в передней*) и жди своего провожатого! (*Мужу.*) Ну, хоть в таком случае, когда нужно именно мужское вмешательство, ты можешь мне помочь?!

Муж. Не забегай вперед! (*Показывает книгоноше стул, тащит его за руку к стулу и*

сажает.) Цыц! Здесь сидеть! Ясно? А будешь еще шипеть или там визжать, выгоню! Понял, нет?

Книгоноша с обидою разводит руками, а затем кивает утвердительно. Сел на стул, сверток положил на пол. Супруги переглянулись с удивлением.

Жена. Пусик, может, он не совсем кретин?

Муж. Наверное, он не глупее тебя... (Смеется.)

Жена. Откуда в тебе столько грубости? Ведь вот при посторонних ты сдерживаешь себя, никто из знакомых даже не подозревает, какой ты хам и негодяй!

Муж. Ну, матушка, уж если ты меня считаешь хамом, так чего мне церемониться?! Как хам, я могу говорить и делать что угодно!

Книгоноша печально отворачивается.

Жена. Смотри: даже глухонемой понял тебя! Он не может слышать и видеть...

Муж. Ха-ха-ха! Глухонемой «не может слышать и видеть»! Какою надо быть лживою, чтобы сказать эти слова!

Жена (визжит). Ты сам врешь каждый день на каждом шагу!

Книгоноша зажал себе уши.

Муж. Тихо! Без крика!

Жена. Почему я должна молчать, когда

все знают о тебе: ты... ты... ты... *(Ищет определения.)*

Муж *(спокойно)*. Слушай, может быть, действительно этот глухонемой что-то понимает? Когда ты завизжала, он заткнул себе уши...

Жена. Я же говорю...

Оба супруга глядят пристально на книгоношу, а тот придает себе спокойное выражение лица и скромную позу.

Жена. А все-таки неприятно, когда такой тупица... *(Постучала себя по лбу и показала на книгоношу.)*

Книгоноша вздохнул и загрустил.

Муж. Да? Тебе неприятно? Почему ты думаешь об этом, — а?!

Жена. Кажется, ты меня начинаешь ревновать к этому бревну?!

Книгоноша вздохнул со стоном.

Муж. Ревновать? Я? Ха-ха-ха-ха!.. Но между прочим: это не случайно, что ты...

Жена. Кстати: существовать с тобою не намного приятнее, чем было бы с ним! Да, да!

Муж. Ну, спасибо! Теперь я знаю твое истинное отношение ко мне! Сравнить меня с этим... *(Постучал по голове книгоношу.)*

Жена. Это ты себя сравниваешь с ним! *(Постучала по голове книгоношу.)*

Звонок.

Муж (*отбрасывает руку жены с головы книгоношы*). Не смей его трогать! Тебе мало, что ты меня доводишь до сумасшествия, так ты еще этого несчастного...

Звонок.

Жена. И ты не смей меня трогать! И его не смей трогать!

Длиительные звонки, книгоноша рвется по направлению к двери. А супруги отталкивают друг друга.

Муж. Пусти сейчас же!.. Слушай, что это с ним? (*Остановился.*)

Жена. Ваш маневр не пройдет! (*Отбрасывает руку мужа.*)

Муж. Я серьезно говорю! Куда он тянется?

Пауза. Оба супруга присматриваются к книгоноше. Звонки учащаются. И книгоноша направился к двери.

Жена. Звонят!

Муж. Сам слышу! Но почему он услышал — глухонемой-то?

Жена (*спешит к двери, открывает ее*). Ничего он не услышал! Просто он не желает видеть твою грубость и...

Входит друг. За ним видна фигура глухонемого.

Муж. Ну, где же вы? Ваш глухонемой уже час торчит здесь, а вас нет!

Друг. Как «торчит здесь»? Глухонемой — вот он... (*Указывает на глухонемого.*)

Глухонемой ласково улыбается и кланяется.

Муж. Позвольте... Тогда — кто же это?!

Друг. Не знаю... я от вас вышел, а он (*указал на глухонемого*) куда-то исчез... Еле нашел я его на сквере на углу: сел уже играть в козла! Представляете себе?!

Жена. Боже мой! Значит, какой-то проходимец выдавал себя за глухонемого и морочил нам голову...

Книгоноша (*сильно заикаясь*). Я — не проходимец... я — заика...

Муж. Какого же черта вы притворялись тут?!

Жена. Да! Зачем это безобразие?!

Книгоноша. Я не при... при... творя... Я хотел вам сказать, что слышу и вижу, но...

Друг (*глухонемому*). Сядь сюда! (*Мимикой показал на стул.*) Вы обязаны были заговорить!

Глухонемой покорно сел на стул.

Книгоноша. Я сперва хотел говорить, но товарищи — оба — столько наговорили друг другу обидного...

Муж. А вам-то какое дело?!

Книгоноша. Вот именно: не мое дело... Мне совестно было показать, что я понимаю ваши дразги...

Жена. Вот видишь? — даже посторонние ужасаются твоей грубости!

Муж. Моей?! А ты вела себя как птичка?!

Книгоноша. Граждане! Прошу вас: не надо!

Муж. Раз уж вы все равно знаете, то почему — «не надо»?!

Книгоноша. Я никогда никому не скажу!

Жена. А зачем вы вообще приперлись к нам?!

Книгоноша. Я — книгоноша. Принес вам подписные издания, а вы меня сразу...
(Заканчивает мимически.)

Друг. Да... нехорошо так уж распускаться...

Жена. И вы — туда же?!

Муж. А ну убирайтесь отсюда вместе с вашим глухонемым!

Жена. Вон отсюда!

Друг. Позвольте, что я такое сделал?..

Муж. Сейчас же вон!

Жена. И этого заберите — зайку!

Муж. Все вон!

Книгоноша (другу). Воображаю, что теперь у них начнется!

Жена (кричит). Какое ваше дело!

Муж. Все вон отсюда!

Друг, глухонемой и книгоноша ушли. Муж хлопнул за ними дверь.

Занавес

Перед занавесом появляется книгоноша со своим свертком в руке.

Книгоноша. Вот вы скажете: зачем нам это показали? А как же? Раз еще есть где-то такие люди, которые друг к другу так относятся, мы должны это осуждать, — не правда ли? Всего вам лучшего! Не ссорьтесь — я вас прошу! (Скрылся за кулисами.)

СОДЕРЖАНИЕ

Житье-бытье

Неузавимый Зудяков	5
Оловянные глаза	13
Единомышленники	21
Мыльный пузырь	26
Тушинский вор	30
Можете, если хотите	38
Ошибка загса	44
Мнимые больные, или Непутевые путевочники	54
Ряд волшебных изменений...	65
Укушенный	73
Сатирические миниатюры	78

Трактаты

Спихотехника на современном этапе	89
Советы нерадивым работникам в сфере бытового обслуживания	105

В мире искусств

Срочные вводы	117
Дездемона на три точки	128

Малая, но драматургия

Красивое чувство	137
Две маски	145
Встреча с поэтом	156
Глухонемой	163

Виктор Ефимович Ардов

ТАК ОНО И БЫВАЕТ...
Юмористические рассказы
и сценки

Редактор **Л. Алексеева**
Художник **Ю. Боярский**
Художественный редактор **Н. Егоров**
Технический редактор **Л. Киселева**
Корректоры **М. Доценко, В. Марычева**

Сдано в набор 3/V-1976 г. Подписано к печати 1/IX-1976 г. А12754. Формат изд. 70X901/32. Бумага тип. № 1. Печ. л. 5,5. Усл. печ. л. 6,44. Уч.-изд. л. 5,42. Тираж 30 000 экз. Заказ № 2802. Цена 30 коп.

Издательство «Современник» Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли и Союза писателей РСФСР.
121351, Москва, Г-351, Яцевская, 4.

390012, г. Рязань, Новая, 69/12
Рязанская областная типография